

Энни Дайвер Ориентиры

<https://litres.ru/74207067>

Аннотация

— Моей сегодня будь.

— Только сегодня? — ищу надежду, шанс на то, что это безумие конечно. Что оно завершится с рассветом. Соколов ядовито усмехается, стреляя в меня своей болью:

— Только моей.

*** У нее за плечами печально завершившиеся отношения. У него — работа в полиции и безответная любовь. Она — сломленная, он — потерянный. Но что если друг для друга они — ориентиры на пути к счастью?

#очень_откровенно

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	54
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	79
Глава 10	88
Глава 11	96
Глава 12	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Глава 1

— Лен, прости, что так вышло, — Женя делает шаг ближе, но я выставляю перед собой руки, защищаясь. Он морщится, когда я всхлипываю и стираю слезы, катящиеся по щекам. Отворачиваюсь, потому что не могу его видеть. Не хочу. Мне бы в одиночестве побыть да прореветься от души, потому что боль жжет в груди.

Я же влюбилась. По-настоящему. Как дурочка. До сумасшествия, ранних подъемов, чтобы готовить завтраки, и до хруста в грудной клетке. Родин меня ломает своими словами.

— Ты целый месяц от меня к ней бегал. Зачем тогда вообще продолжал встречаться? — спрашиваю, искренне не понимая, как можно было бросать меня в одиночестве и мчаться к другой женщине, которая ждала его и не понимала, что ее тоже дурачат.

— Да а как, блядь, тебя можно было бросить, скажи? — в отражении оконного стекла вижу, как он трет кулаком скулу и морщится, задевая свежую ссадину и стремительно становящийся фиолетовым синяк. — Я же не знал, что она забеременела. Мы расстались четыре месяца назад, я перевелся,

потом с тобой отношения начались. — Всхлипываю. Не могу всю злость сконцентрировать только на Родине, потому что слишком много обстоятельств примешивается к нашему расставанию, уродливому и неправильному. — Она не являлась четыре месяца, а потом все же решила рассказать. От нее родители отвернулись из-за того, что она ребенка моего под сердцем носит, не могу я ее оставить, пойми.

Обида заливает ледяной водой. Еще чуть-чуть, и замерзнет к чертям, придавив тяжелой ледяной глыбой. Родин ее любит. «И все время любил», — поддакивает внутренний голос, окончательно меня добивая. И пока я сердце свое открывала, он о другой грезил. Завыть бы от бессилия, но я только руками плечи обхватываю и дышу глубже, потому что с Женей надо точку поставить.

— Уходи, — хочется кричать, но из горла рвутся только сдавленные хрипы. Потому что меня душит сука-любовь. Она безжалостная дрянь, которая хладнокровно лишает жизни, отбирая самое дорогое.

— Лен... — обреченно-тихое. Родин тянет ко мне руку, а я от нее, как от огня, отскакиваю. Ладони к груди прижимаю и испуганно головой качаю.

— Просто уходи, Жень, — губы дрожат. Кусаю их, чтобы

не разреветься. Глаза шире распахиваю, собирая слезы и не позволяя им скатиться по щекам. Потому что тогда окончательно растопчу саму себя в глазах Родина. — Пожалуйста. Ты уже все сказал. Хватит, — я больше не прошу — молю. Заклинаю его навсегда уйти из моей квартиры, потому что силы на пределе. Терпение на пределе. Я на пределе.

— Прости, что так вышло, — контрольный в голову, и за Женей наконец закрывается дверь, а я медленно оседаю на пол, позволяя истерике взять верх.

Слезы жгут, ладони уже мокрые, и я просто утыкаюсь лбом в колени. Вою так громко, что, кажется, соседи сбегутся. Но мне больно, моя душа на части разлетелась, сердце с грохотом разбилось, и его уже не собрать.

Меня бросает в дрожь. Поджимаю босые пальцы на ногах. Они ледяные. Я вся замерзаю, превращаясь в ледышку. Волосы на себе рвать охота. Орать, пока голос не сядет, только бы от боли избавиться.

Больше себя не контролирую. Меня топит. В слезах, в отчаянии, в правде. В бездушном откровении. Оно меня сломало. Четвертовало и бросило доживать кое-как.

Так больно быть не может. Это гребаная несправедли-

ВОСТЬ.

Почему я? Почему меня можно бросать? Почему можно уходить и выбирать бывшую? Почему мною можно было пользоваться, а потом... Оставить.

Потому что я не она. Потому что сама провалилась в отношения, потонув в них. Потому что Родин достаточно благородный, чтобы вернуться к забеременевшей от него бывшей, растоптав чувства нынешней.

Навзрыд. На разрыв. До опустошения.

Пока не отболит. Пока не утихнет. Я не заслужила подобного. Всю себя отдала, но... Рычу, в агонии задыхаюсь. Мука мерзкими лианами запястья и грудную клетку стягивает. Мне не хватает воздуха — безнадежность камнем на легкие давит.

Реву. Беззвучно плачу. Оставляю пепелище.

Он меня убил. Уничтожил, оставив после себя пепел. Я сгорела изнутри.

Истерика утихает. Медленно отступает. Сначала отпускает горло, и я жадно хватаю ртом кислород. Уже мелко подра-

гиваю от озноба, даже нахожу в себе силы встать и закрыться на все замки. Больше никого.

Одна.

Одинока.

Глава 2

В ванной не смотрю в зеркало. Открываю ледяную воду и подставляю ладони. Умываюсь. Взрослые девочки не могут позволить себе до рассвета истерить. Потому что утром на работу. Потому что нужно будет снова улыбаться и снова смотреть на Родину, делая вид, что я целая и невредимая. И потому что придется выглядеть ослепительно.

Редкие слезинки опаляют щеки. Тут же смахиваю их. Больше нельзя.

Стягиваю халат, надеваю атласную пижаму. Внешняя сексуальность прячет внутренний раздрай. Хотя бы в отражении не увижу боль, если не начну всматриваться в лицо.

Кухня. Вино. Бокал до дна.

Никак.

Только кислота любимого сухого. И горечь. Она на кончике языка и в душе. Расползается мерзко по всему организму и травит.

Наливаю еще один бокал и с ним иду на балкон. Здесь

валяется пачка сигарет на экстренный случай. Самое время. В пачке не хватает одной сигареты. Усмехаюсь. Выкурила ее в первую нашу ссору с Родиным. Тогда мне казалось, что мир рушится. Сейчас я возвышаюсь на руинах с циничной усмешкой.

К черту все.

Чиркаю зажигалкой и впускаю в себя дым. Он травит, и хочется выкурить всю пачку по одной, чтобы сдохнуть, свернувшись калачиком на холодном полу. Так и не надела носки. Ставлю одну стопу поверх второй, грею по очереди.

Город тонет в огнях. За окнами жизнь. А я в клетке запираюсь и добровольно себя жизни лишаю. Идиотская привычка. Омерзительная. Правильно Женька говорил, что надо бросать. И ведь получалось. А теперь...

Закуриваю вторую.

Слезы снова сползают по щекам. Но уже не ручьем. Парой капель, которые я торможу в начале пути. Они будто пытаются продавить дорогу к самобичеванию. К тому, что я запретила себе чувствовать.

Не хочу быть брошенной. Они обычно до ужаса несчаст-

ные. И сейчас я именно такая, но никотин и алкоголь отлично притупляют боль.

На дне второго бокала нахожу спокойствие. Оно мимолетно проскальзывает, снова выпуская вперед тупое отчаяние. Надо бы что-то покрепче.

Окончательно околевав, возвращаюсь в комнату. Лике бы позвонить, но времени уже много, и я торможу с желанием излить душу подруге. Тем более она и не сильно ратовала за мои отношения с Родиным. Предупреждала, что в тихом омуте... бывшие водятся. И беременеют.

Сосредоточенно читаю этикетку на вине. Даже если вторую бутылку выпью — в худшем случае получу отравление. В лучшем — меня вырубит до утра, но болеть так и не перестанет. Может, взять что покрепче?

В шкафчике початая бутылка виски. Женя притащил не так давно, отказавшись от вина. Интересно, он тогда только узнал о положении бывшей или набирался смелости мне рассказать правду? Нет, это я пить не буду. Отправляю бутылку в мусорное ведро и обессиленно падаю на стул.

Звонок в дверь прорывает брешь в моем отчаянии. Подскакиваю с места и почти лечу в прихожую. А что если вер-

нулся? Пожалел, осознал и пришел? Может ведь он прийти?

Не глядя открываю дверь, и легкая эйфория разбивается о внушительную фигуру Соколова. В куртке, взъерошенный и с пакетом из «Пятерочки» в руках. Вид уставший, но на ногах держится твердо. Еще одно наказание моей жизни. Таскается следом как пес побитый.

Не хочу его видеть. Толкаю дверь, но гад успевает поставить ногу в проем. Со всей силы давлю — морщится, но не убирает.

— Проваливай, Соколов, — бросаю зло, но Пашу все мои недовольства не интересуют. Он вообще в последнее время с катушек слетает — в любви признается, напрочь забыв о своем друге, с которым у меня отношения... были.

Правда вспыхивает пламенем. Сдаюсь. Мне с Соколовым не тягаться, и он легко открывает дверь, двигая меня в сторону. Уверенно шагает в квартиру и оценивает мое состояние моментально. Взгляд чуть дольше задерживается на декольте и шее. Хочется закрыться, и я обхватываю себя руками.

Жест не остается без внимания — Соколов глаза закатывает. Дверь на два замка запирает и кроссовки стаскивает, поочередно наступая носками на задники.

— Ты совсем обалдел, что ли? — толкаю его обратно, но сил сдвинуть эту махину явно мало. Они закончились еще два часа назад в этом же коридоре, когда меня по стенке размазало Женино признание.

— Собутыльник мне нужен, Алён. Тебе вроде тоже, — кивает на мои зареванные глаза. — Поможем друг другу?

— Катись к черту, — фыркаю возмущенно. Все мужчины в моей жизни решают все за меня. Один бросает, второй — вероломно вламывается в личное пространство, игнорируя грубые просьбы оставить меня в покое.

— Оттуда и пришел, — усмехается Соколов. Он ставит пакет на пол, стаскивает с широких плеч куртку и, глянув на время, кивает мне. — Так что, компанию составишь?

Сволочь бессовестная. Знает же, что отказать не смогу. Потому что выть от одиночества хочется. Киваю. На большее сил не остается.

Иду на кухню — Соколов следом шелестит пакетом. Начинаю суетиться. Я тут погром почти устроила. Чашки из-под кофе после Родина не помыла. Бокал, бутылка, пробка — все хаотично по столу разбросано.

Меня пошатывает. Вино на голодный желудок быстро в голову бьет. Достāju рюмки и ставлю на стол. Дальше чувствую прикосновения горячих ладоней к плечам. Не родные, но греют. И снова рыдать хочется, и слезы-предатели по щекам бегут.

Ну зачем он так? Я ведь в Соколове лучшего друга Родина вижу. И плевать, что Паша сохнет по мне уже два месяца. Потому и притащился сюда, наверное. Женя передал, что я теперь свободная и безутешная.

— Сядь, — давит, вынуждая подчиниться. Сдаюсь. Я сегодня безвольная.

Он хозяйничает на моей кухне. Был здесь всего один раз, когда мешал нашему с Родиным свиданию, но все запомнил. Через пару минут на столе какая-то нарезка, которую тоже притащил Соколов, сок и еще два стакана.

— Подожди, у меня есть лимон, — подсакиваю, но под тяжелым взглядом по стеночке стекаю обратно на стул. Паша умеет смотреть так, что кровь в жилах стынет. Наверное, издержки работы, но мне каждый раз жутко, потому что в подобные моменты Соколов злой и агрессивный.

— Мешаешь или чистой? — открывает бутылку и за-
чем-то нюхает, удивленно приподнимая брови. Неожиданно
приятно или наоборот? Хотя что в водке приятного-то...

— Чистой.

Паша кивает. Не пытается меня переубедить — наливает
полные и только потом садится через угол от меня.

Мы точно делаем что-то неправильное. Не должно так
быть. Не Соколов должен меня утешать. Не мне напиваться
с ним в хлам. У него ведь друзья есть. У меня Анжелика. Но
сейчас мы как самые крайние и почти неосуществимые ва-
рианты плана боремся за право на существование. За право
забыться и отключиться.

Соколов смотрит на меня, подняв рюмку. Тост ждет? Его
не будет. Я сегодня хороню все хорошее, что у меня было.
У меня траур. А у него? Молчу. Жду. Он инициатор нашего
вечера, ему и выруливать из неловкого молчания.

— За любовь? — предлагает, ядовито усмехаясь.

— Не чокаясь!

За первой идет вторая, а затем и третья. Мы почти не

разговариваем, обсуждаем какую-то чушь по работе, перебирая фамилии бесцельно. Заполняем тишину и пьем. Много пьем. Каждый запивает свои боли, и в какой-то момент они подбираются так близко, что я реву, уткнувшись Соколову в плечо, и ласковыми словами обзываю его друга. Пашка молчит. Не трогает меня и никак истерику не комментирует. Просто позволяет мне выплакаться и испортить красивый свитер.

— Выпей — полегчает ненадолго, — с видом знатока заявляет Соколов и подливает нам еще.

— Я не дойду до кровати тогда, — качаю головой.

— Я донесу, — взгляд его какой-то долгий неправильные реакции запускает. Мне становится жарко и душно. Хочется окно открыть, но я боюсь встать и тут же рухнуть. Поэтомудохну под пламенем, загорающим в его глазах.

— Только со мной не спать, — угрожающе выставляю вперед палец.

— Пей давай. За любовь не чокаясь, — смеется надо мной Соколов.

— Не хочу за любовь. Давай за тебя, а? И за то, чтобы до-

нес, — чушь какая-то, но я едва слова в предложения собираю. А вот Паше нравится. Он даже улыбается.

Опускаю стопку на стол и тянусь за лимоном, давя смех. Кислота перебивает жжение водки. Жмурюсь, жую мякоть и кладу на салфетку кожуру. Тело плывет, и я сползаю ниже на мягком стуле, чтобы уложить голову на спинку. На смену спонтанной радости снова приходит удушающая грусть, что разъедает внутренности едким раствором отчаяния и одиночества.

Приоткрываю один глаз, рассматривая Соколова. Тот держится серьезно, хотя знаю — пьян в стельку, потому что наливает себе по полной каждый раз. То ли меня спасает от похмелья, то ли сам забыться хочет. Пашка (сегодня хочется называть его так, без тени упреков, а потому что он... рядом) неотрывно глядит на меня, будто произведением искусства любуется, а не брошенной женщиной. Женька так никогда не смотрел. В носу щиплет, с шумом втягиваю воздух, чтобы не разрыдаться перед Соколовым во второй раз.

— Хочу курить, — нарушаю тишину первой, пока та окончательно меня не придавила безнадежностью. Дурацкая привычка тянуться к сигаретам на пьяную голову дает о себе знать.

— Мои закончились, — хлопает по карманам приверженец традиционного курения и поднимается со стула. — Угодишь? — вопрос риторический, но я все равно киваю. Пашка протягивает мне руку. В любой другой ситуации я бы отказалась, бросив очередной гадкий комментарий, но сейчас принимаю помощь. Она оказывается кстати: голова кружится, комната плывет. Нужно завязывать с алкоголем. Еще немного, и я буду не на кухне сидеть, а на коленках в туалете, потому что организм такой ударной сорокаградусной нагрузки не выдержит.

— Пойдем, — не отпуская его руки, иду в гостиную и выхожу на лоджию. Пол холодный, и я поджимаю пальцы на ногах. Открываю окно. Свежий воздух не отрезвляет, легкой прохладой скользит по размякшему от алкоголя телу.

Соколов все же разрывает наш контакт, закрывает дверь в комнату и становится рядом со мной, занимая удобное место у окна. Беру с подоконника пачку и, открыв, предлагаю Соколову. Тот, ни капли не смущаясь, достает вишневый «Ричмонд» и зажимает фильтр между зубов. Усмехаюсь — не идут ему тонкие сигареты. Повторяю за ним. Зажигалка щелкает в его руках, он по-джентльменски дает мне прикурить первой и, как только красный огонек тлеющего табака загорается на кончике, наклоняется к оранжевому пламени сам.

Закрываю глаза и затягиваюсь. Сладкий фильтр оставляет приторный вкус на языке, который тут же соединяется с мягкой горечью дыма. Вбираю в легкие как можно больше, табак бьет в голову, добавляя скорости к неостанавливающейся карусели. Выдыхаю, надеясь избавиться не только от яда, отравляющего организм, но и от заразы, раздирающей сердце. Второе вытолкнуть из себя сложнее.

— Что со мной не так, Паш? — шмыгаю и жмусь к открытому окну, старательно избегая контактов с Соколовым. Тот сосредоточенно курит и отвечать не спешит. А меня пробирает на откровения. — Я же... нормально хотела, чтобы как у всех. А получилось... как получилось, — стираю скупую горячую слезу рукавом толстовки и снова тяну в себя дым.

— Все с тобой так, Алён, — в две затяжки расправляется с половиной сигареты и тушит окуроч в стеклянной банке, которую я использую вместо пепельницы. Он поворачивает голову и долго смотрит на меня, изучая, будто впервые видит. — Может, не получается как у всех, потому что не такая, как все? — улыбается и выпрямляется, как всегда беспечный Соколов. Чувствую себя букашкой рядом с ним. Маленькой и непримечательной, которую раздавить одним пальцем можно.

— Потому что дура набитая, да? — все же всхлипываю

и, не найдя сил успокоиться, заталкиваю недокуренную сигарету к Пашкиному бычку. Вот, теперь даже у него есть пара. А мне давить одиночеством. Смущаюсь под пристальным взглядом Соколова и глубоко вздыхаю. — Ладно, не отвечай, — отмахиваюсь. Он же ляпнет что-то по привычке, а я потом думать начну. Мне сегодня такое противопоказано. Мне бы отогреться.

— Нет, Алён, потому что необыкновенная, — отмирает Пашка, а мое сердце ёкает, биться забывая. — Хотя иногда и ведешь себя как дурочка.

— Это потому что вокруг одни дураки. Человека создаст его окружение, знаешь? — подтруниваю, и Соколов тихо смеется, качая головой. Плакать уже не хочется, думать о Жене тоже. Тепла бы и уюта. И переживу.

— Да, я тот еще идиот, — соглашается, мгновенно сгущая между нами воздух. Он теперь тянется вишневой патокой — тяжело дышать.

— Почему? — хмурюсь, не понимая, что он имеет в виду.

Пашка снова меня гипнотизирует, будто ищет точку концентрации для пьяного мозга, чтобы не шатало из стороны в сторону. За грудиной давит, Соколов снова тянет с отве-

том. Опускаю ладонь на дверную ручку, мозг лихорадит от передоза алкоголя и никотина — меня снова бросает в жар, и волосы на шее становятся дыбом. Надо точно завязывать пить.

Хватает одного вдоха, резко выброшенной в мою сторону руки, которая ложится на затылок и тянет к мужскому телу. Губы Соколова находят мои, взрывая внутренний мир и высвобождая странные эмоции. Стоит возмутиться, оттолкнуть и правда назвать идиотом, но вместо этого чувствую щемящую искренность и отчаянную нежность. Последнее явно себе придумываю уязвленным сознанием, потому что язык Пашки хозяйничает у меня во рту, дразнит, скользит по губам, рассыпая сотни мурашек по плечам и спине. Вторая ладонь его обхватывает талию, лишая меня возможности отстраниться. Горячая волна поднимается в груди, сжимаю пальцами его кофту, так и не решив: упереться ладонями в грудь или обнять, схватившись за плечи.

Бессовестно отвечаю на поцелуй со вкусом сигаретной горечи и гоню прочь растерянность. Соколов, не встретив сопротивления, отрывает мои ноги от пола, перехватывает удобнее, не оставляя мне выбора.

Все не так совсем. Как-то необузданно, очень остро. Это слишком для нежной меня, привыкшей к совершенно дру-

гому. Соколов мир мой взрывает, просто, целуя, и я обо всех проблемах забываю.

— Можешь не отвечать, — усмехаюсь, прерывая дикий поцелуй. — Поставь меня.

— Нет, — он качает головой, а у меня от его уверенности все мышцы сводит. Знаю же, что нравлюсь ему. Дорвался. Теперь хрен убежишь. Мало того, что я и так ему по физическим данным проигрываю, так еще и он явно трезвее из нас двоих. — Я не хочу останавливаться, — зажимает меня между своим телом и стеной. Утыкаюсь носом в его ключицы — дышу им, и это очередной яд, который мешает сосредоточиться на суровой реальности, только самый приятный, потому что от него тепло по всему телу расходится и сердце оживает, ускоряя пульс. — Давай так: я обещаю свалить до того, как ты утром проснешься, а ты пообещаешь мне не убиваться по поводу Жени и всего, что произойдет ночью.

— Пьяный секс? — усмехаюсь горько. Даже Соколов, все это время подпитывавший свою симпатию, не сдержался. Решил урвать себе кусок помясистее от моей потрепанной души. И добрать до тела, которое долго желал. А я? Кусаю губы, вспоминая старую поговорку: клин клином вышибают. На смену одному человеку всегда приходит другой. А на смену хорошего — лучшее. Остается надеяться, что Соколов

окажется хотя бы хорошим. Веду ладонью по шее, касаюсь коротких волос на затылке и выдыхаю в его губы, которые снова оказываются рядом с моими: — Мне подходит.

— Я потом не отпущу, — звучит угрожающе-предупреждающе.

— Главное сейчас удержи, — шепчу ему в губы, не обращая внимания на слова. Они фоном сгорают, когда его ладони сжимаются на моих бедрах.

Глава 3

Плевать на все. На Женю, на то, что будет завтра. Хочу, чтобы сейчас не болело. А не болит рядом с Пашкой, и я ни за что от этого ощущения сегодня не откажусь. Я уже пала низко, мне не страшно еще немного по дну поползать в поисках спасательного жилета, что наверх вытянет.

Он несет меня в спальню и укладывает на кровать прямо поверх покрывала. Нависает сверху, вдавливая себя в меня, а меня — в матрас. Соколов больше не делает ничего — только смотрит. Я же задыхаюсь от близости. Она непривычная — Пашка смакует моменты, прощупывает мои границы, а их ни черта нет. Они на третьем бокале вина стерлись.

Тяну ладони к его лицу. Соколов головой качает и, перехватив мои запястья, заводит их за мою голову.

— Трогать здесь разрешено только мне, — снова ухмылка, и она так распаляет, что я выгибаюсь навстречу, грудью задевая его торс. — Сегодня играем по моим правилам.

— Это нечестно, — ерзаю, пытаюсь отвоевать себе хоть немного свободы, но ладонь Соколова на солнечное сплетение ложится, вынуждая меня замереть.

— Нечестно трахаться с одним, чтобы другого забыть, — подмигивает и, не дав возразить, в губы впивается. Этот поцелуй отчаянный. Грубый. Пашка всю свою боль в него вкладывает, потому что прекрасно понимает, из-за чего я согласилась.

Дурно от самой себя. Вырываюсь, но Соколов не отпускает. Жалит поцелуями, распаяя меня. Кожу на горле прикусывает и оттягивает до легкой боли. Поднимает майку, оголяя грудь, и поочередно сжимает губами соски. Задыхаюсь от удовольствия, простреливающего все тело. Тихо мычу, ногами торс Пашки обхватываю. Все еще пытаюсь его сдвинуть, но он не поддается.

— Пусти, Соколов!

— Сказал же нет, — как гром среди ясного неба. Вспышка молнии в крошечной тьме. — Моей сегодня будь.

— Только сегодня? — ищу надежду, шанс на то, что это безумие конечно. Что оно завершится с рассветом. Соколов ядовито усмехается, стреляя в меня своей болью:

— Только моей.

Затыкает меня поцелуем. Если будем говорить — не продолжим. Я утону в сомнениях, а пока есть шанс поддаться умелым рукам и алчным губам, что каждый мой сантиметр изучают. Соколов будто всю боль вытягивает из меня, оставляя пустоту, которая заполняется плещущейся между нами страстью.

Я больше не чувствую себя брошенной — в глазах Пашки я самая желанная женщина. Ему плевать, как я сейчас выгляжу, неважно, что было до. Не имеет значения, что случится после. Мы в этом моменте закупориваемся, отрезая остальной мир.

Сдаюсь с тихим стоном и губам его подставляюсь. Соколов хмыкает, опалая дыханием твердый сосок, и тут же его прикусывает, рассыпая искры под кожей. Он отпускает мои руки, ладонями по животу ведет и шорты по ногам вниз тянет, не переставая целовать.

Не выдерживаю — обнимаю его, за плечи цепляюсь. Сжимаю крепкие мышцы, а Соколов останавливается. Голову вверх задирает, на меня смотрит, как крокодил на жертву, но не шевелится.

— Паш... — зову и щеку его глажу. Он прикрывает глаза на долю секунды и рвано выдыхает. Знаю, что хочется, чтобы

трогала, вижу по нему. Мурашки по плечам красивым бегут, и я повторяю трюк.

— Руки, — рычит. — Или я уберу свои.

— Нет, — прижимаю его к себе и обхватываю ногами, не давая отстраниться. — Пожалуйста... — молю, потому что невыносимо его не трогать. Я ведь тогда не перестану сравнивать, когда нужно, наоборот стереть одного, оставив пустую строчку.

— Если не прекратишь, мы на одном разе не остановимся, — мычит в мои ребра, и я все же слушаюсь. Поддаюсь и сжимаю пальцами уже плотную ткань.

Соколов стирает ладонями прикосновения другого мужчины, оставляя только себя. Отметки-засосы по коже разбрасывает и рукой горло сжимает, вынуждая смотреть в глаза. Только смотреть — не трогать, хотя изо всех сил хочется вцепиться в предплечье и отвоевать глоток свежего воздуха.

Вторая его рука ложится на лобок, пальцы ведут ниже по половым губам, и я со смущением отмечаю, что происходящее мне слишком нравится. Соколов отбирает у меня право выбора, вынуждая подчиниться. Принимаю правила игры и шепчу его имя, когда становится слишком хорошо.

Он вводит в меня сразу два пальца, задавая какой-то совершенно ненормальный ритм. Бешеный, резкий — на грани грубости, но сейчас это именно то, что мне нужно. Эта дикость ото всех мыслей избавляет. Мне до невозможности нравится происходящее, насаживаюсь на пальцы, двигаясь навстречу. Соколов мычит, предостерегая, и сильнее горло стискивает.

Не пускает. Не дает в бездну сорваться. К себе против воли приковывает и терзает. Давит большим пальцем на клитор, продолжая мутить мое сознание и поднимать на такую высоту, с которой падать страшно. А я замираю и жадно вбираю все, что Пашка мне дает.

— Я хочу кончить, — шиплю и дергаю рукой, но останавливаюсь на полпути.

— Меня не подождешь? — спрашивает, а у самого пелена в глазах от удовольствия. Впервые вижу, чтобы мужчина испытывал такое наслаждение, доводя девушку до оргазма.

Внизу так мокро, что я почти ничего не чувствую, поэтому сильнее напрягаю мышцы. Хнычу, мысленно упрашивая Соколова не останавливаться. Он прекрасно понимает мои желания. Дает сполна, подводит к грани и замедляется, ожи-

дая ответа.

— Я во второй раз догоню, — невозможно больше сдерживаться. Обхватываю одной ладонью его предплечье, а второй — свою грудь. Сжимаю меж пальцами сосок и дергаю бедрами. — Пожалуйста, Паш... — всхлипываю и прямо в глаза Соколову смотрю.

Его ведет так же, как и меня. Пашка наклоняется и впивается в мои губы, не прекращая движение рукой. А мне всего чуть-чуть не хватало до безумия. Тело электрические разряды пронзают. Дрожь сильнее становится, и я теряю связь с реальностью на несколько долгих мгновений. Мне хорошо, невыносимо прекрасно. В голове ни единой мысли, в сердце — вакуум, а в теле — блаженство, ни с чем не сравнимое. Я бы зависла в таком состоянии навсегда. Но имя, слетающее с моих губ, возвращает прямиком к Соколову.

Нахожу в себе силы открыть глаза и столкнуться с его карими, что жгут насквозь.

— Ты охренительно кончаешь, малыш, — улыбка шальная его губы растягивает. Пашка отстраняется, оставляя после себя холод и слабые импульсы, напоминающие о пережитом удовольствии. — Расслабься, — подмигивает, упираясь в меня головкой.

Соколов уже голый — когда только успел раздеться? — и я плясую, с восхищением отмечая широкий размах плеч, живот с едва заметными кубиками и мощные бедра. Он как картинка: можно смотреть и нельзя трогать. А я была бы не прочь по мышцам пальцами пройтись.

Приподнимаюсь на локтях. Хочу наблюдать за процессом. Тяну ладонь к Соколову. Он цыкает и отмахивается от протянутой руки. Целует снова так, что в обморок грохнуться впору, потому что невозможно одному человеку столько страсти и отчаяния в соприкосновение губ вложить.

— Нет! — протестую, когда Пашка меня под бедра подхватывает и переворачивает на живот.

— Сама виновата, — хрипит на ухо Соколов, телом своим в кровать меня вдавливая. — Расслабься, милая, — мочку нарочно губами задевает. — Ты маленькая для меня.

— Значит, у тебя не только самомнение гигантских размеров? — усмехаюсь и утыкаюсь лбом в покрывало. Я достаточно мокрая и пьяная, меня ничем не напугаешь. Поэтому я глубоко вздыхаю и только мычу, когда Соколов заполняет собой.

Чувство иррациональности происходящего не отпускает. Пашка шлепает по ягодицам. Вскрикиваю, дергаюсь, но руки тут же на талию ложатся и не дают пошевелиться. Соколов не торопится, смакует момент, и я затихаю, позволяя ему наслаждаться. Сама тоже тону в похоти, так до конца и не выплыв после первого оргазма.

— Ты чертова кошка, — хрипит, плавно наращивая амплитуду. Неторопливо входит, вынуждая почувствовать каждый сантиметр, и до невозможного медленно выходит, почти лениво толкаясь обратно.

Захлебываюсь в его нежности. Она такая искренняя, что сразу в сердце попадает и контрольным выстрелом в голову летит. Пашка настоящий, отдает себя в попытках меня вылечить. А я нагло беру, пользуюсь, заполняя себя им без остатка. Имя опять пробую, нас обоих доводя до иступления, потому что с новыми толчками в душе что-то отзывается.

Я больше не пытаюсь навстречу двигаться — позволяю себя трахать так, как Соколову хочется. Стоны только громче становятся, и шлепки наших тел хлесткие, будто мы в борьбе сталкиваемся, заранее проиграв друг другу. Пашке нравится подавлять, но он удивительно не ломает, а всю ответственность себе забирает, оставляя концентрированное наслаждение.

Соколов собой заполняет весь мой внутренний мир. Лопатки кусает до боли, едва не выгрызая из меня привязанность к Родину. Тянет за волосы к себе и губы жалит поцелуем. Языком во рту моем хозяйничает, не давая вдохнуть. Задышаюсь Пашкой, его слишком много. Он напористый, останавливаться не хочет, сильнее вдабливается с каждым размашистым движением.

Пальцы его позвонки мои пересчитывают, надавливая. Соколов меняет угол проникновения и, поймав мой низкий стон, из груди рвущийся, задерживает меня в таком положении. Давит на поясницу, снова по ягодицам шлепает, повторяя движение, пока звуки не сливаются в бесконечный гул, подпитывающий мое возбуждение.

— Паша. Паша. Паш! — летит с губ вперемешку со стонами, но Соколов и не думает прекращать пытку.

— В тебя хочу, — хрипит и кожу на шее губами втягивает.

Качаю головой. Сил ответить нет. Они все куда-то испаряются. Я будто буквы забываю, оставляя себе лишь те, что в имя Соколова складываются, и сладкое протяжное «м-м-м».

Пашка не отвечает, только ускоряется. Толкается рвано,

часто, резко. До основания входит с глухим шлепком, отстраняется, и повторяет по новой. Отпускает меня, и я безвольно падаю на кровать, лбом в матрас утыкаясь.

Меня накрывает второй раз так же сильно, ярко и остро, как и в первый. Лихорадит, сознание плывет, и по телу волны хлещут. Я по инерции на член Соколова насаживаюсь, подпитывая второй оргазм. Ноги становятся ватными, а я — очень чувствительной. Внутри горит и пульсирует, и я подставляюсь, принимая удобную для Пашки позу. Он что-то шепчет о податливости и хорошем поведении, но слова его до меня будто через толщу воды доходят.

Я только Соколова чувствую в себе, его бешеный темп, жадные движения и агрессивную хватку. Он кончает на мою поясницу и, растерев ладонью сперму, падает рядом, тяжело дыша. Не смотрю на него, утыкаюсь лбом в крепкое плечо и ровнехонько дышу.

Что между нами произошло только что? Почему все было так хорошо? Почему я не думала о любви к Родину? И как, черт возьми, пропустила отсутствие презерватива. Хочется возмутиться и поколотить Пашку. Наорать, что воспользовался мною и чуть не довел до неотвратимого. Я приподнимаюсь, собираясь все ему высказать, но Соколов меня сгребает в огромные ручки, носом трется о плечо и ключицы

и тихо, но строго говорит:

— Молча полежи.

И глупая Алёна слушается, вместо того чтобы выставить Пашку из своей квартиры. Прикрываю глаза, успокаиваясь. Близость больше не пугает, Соколов не давит, только к себе крепче прижимает, будто я испарюсь куда-то. Дыхание его выравнивается, и под мерное сопение я проваливаюсь в сон, надеясь, что Родин мне не приснится.

Глава 4

Утро врывается в мое сознание мерзкой мелодией будильника. Причем не моего. Открываю глаза и тут же жмурюсь обратно. В горле сухо, слюна не помогает унять неприятное ощущение. Голова, кажется, треснет сейчас, а тело... меня будто перемололи и в похожу на меня девушку сложили.

Зачем напилась до такого состояния? Теперь буду полдня все, что произошло вчера, вспоминать.

О, нет.

Осознание произошедшего накатывает мерзкой тошнотой. Жар по телу бежит иголками, поджигаю губы и закрываю глаза, которые врезаются в Соколова, который в отличие от меня выглядит достаточно бодро. Он поднимается с кровати, быстро влезает в штаны и застегивает молнию. Смотрю на его спину и не понимаю, в какой момент меня угораздило упасть в его объятия и утешаться. Мерзко на душе, но не от того, что ночь с Пашей провела. С ним, наоборот, спокойнее было.

Он поворачивает голову, и я жмурюсь, попутно морщась от головной боли. Уходи уже, Соколов, мы не должны ви-

даться. Творить безумства ночью — это одно, а вот мило беседовать утром уже совершенно другой уровень. И наши взаимоотношения не предполагают перехода туда, ведь у них короткий срок годности.

— Можешь не притворяться, я слышал, как ты проснулась, — издевается надо мной изверг. — И не делай такое страдальческое лицо, ночью тебе все очень даже нравилось.

— Ты обещал уйти до того, как я проснусь, — припоминаю наш странный разговор между поцелуями, от которых до сих пор горят губы. Закрываю лицо ладонями. Не надо меня разглядывать. Никакой романтики, никаких иллюзий. Это лишнее.

— А ты обещала не страдать, так что один-один, — без ножа режет правдой, летящей в лоб. Все же нахожу в себе силы посмотреть на утреннего мучителя. Паша надевает майку, и я короткое мгновение люблюсь подтянутым, хоть и слишком сухим на мой вкус, телом, а после, закутавшись в одеяло, делаю вид, что ищу свою одежду, которая соседствовала на полу вместе с его. — Может, по кофе? — он усмехается, бросает мне толстовку и выходит из комнаты. — Жду тебя на кухне, — как будто это я у него в гостях.

Невыносимый.

Пока Соколова нет, достаю из шкафа домашний костюм, надеваю и лечу в ванную. Паша только бровь приподнимает вопросительно, когда мы пересекаемся взглядами на пару секунд, а потом я прячусь за дверь.

Заявился ко мне он, а сбежать хочется мне. И кто меня после этого нормальной назовет?

Открываю кран и настраиваю воду. Становлюсь под душ и ровно дышу. Главное не начать жалеть себя. Не думать о том, что впустила Соколова, о том, что переспала с ним. Впереди сложный рабочий день, лучше сосредоточиться на этом. И не опоздать.

Быстро умываюсь, мою голову. Обматываюсь полотенцем, второпях массирую лицо руками, сгоняя отечность, и клею под глаза патчи. Усмехаюсь горько. При Жене не решалась демонстрировать свой уход. На Соколова же произвести впечатление не пытаюсь. Плевать. Он уже видел меня и пьяной в стельку, и растоптанной, и голой. Последнее можно считать самым скромным из всех.

Снова облачаюсь в костюм и, расчесав волосы, выхожу. Паша сидит на стуле, пьет кофе и невидящим взглядом смотрит перед собой. А я снова его оцениваю. Красивый, зараза.

Волосы темные, лицо вечно серьезное, словно он недоволен чем-то. Но такая силища за версту от него ощущается, что не признавать его не получается. Вот и я прикусываю язык, не решаясь конфликтовать, потому что Соколов снова на моей кухне парадом руководит. Даже какие-то бутерброды соорудил и грязную посуду в мойку сгреб.

Сегодня меня это не бесит. Я в некотором роде благодарна. Пусть делает, если так хочется. Мои условия не изменились.

Сажусь напротив второй кружки. Как и вчера сидим, только без алкоголя и тоски. Она куда-то улетучилась, оставив после себя загадочное ничто, в котором мне придется бродить до конца жизни.

Кофе вкусный. С двумя ложками сахара и корицей. Опять Пашка давит вниманием. И когда только успел все выучить? Женя вот не мог. Подбородок начинает дрожать от воспоминаний. Так хорошо было с Родиным, а теперь я боль другим вытесняю. Жуткая эгоистка, но не могу отказать, когда Соколов сам соглашается на все.

— Тебя подвезти? — снова он меня удивляет, не акцентируя внимание на состоянии. Чувствует меня, что ли.

— Нет, — кофе застревает в горле. Тошно от самой себя становится. Пашка и так и эдак, а я все мысли о его друге в голове гоняю. Вспоминаю, как на этой кухне сидели, как целовались и занимались сексом. С Женей все казалось особенным. А теперь мне особенно больно. — И давай без лишней заботы, ладно? То, что было ночью, там и останется.

— Без заботы так без заботы, — пожимает плечами и, допив кофе, встает. Он так быстро воспринимает мои слова, что я с трудом успеваю осознавать. А как же вечный Соколовский протест? Почему он вдруг сменил тактику? И вроде полегчать должно, но только хуже становится. Хочется в кровать забраться, калачиком свернуться и прорыдать еще дня два. — Не провожай, — он идет в прихожую, а я впервые в жизни слушаюсь Пашку.

Без него холодно становится и одновременно свободно. Соколов будто все пространство собой занимал. Но в этом пространстве мне было удивительно комфортно.

Он закрывает дверь, и я обхватываю ладонями плечи, надеясь не развалиться от удушающего одиночества, давящего гранитной плитой. Сколько там времени до работы осталось? Надеюсь, получится выделить пару минут на жалость к себе.

Смотрю на пустую чашку, которая напоминает о незваном госте. Я снова ощущаю на теле руки Соколова. Жадные, сильные — он совсем другой, и это радует и пугает. Наверное, окажись он похожим на Родина, я бы так и продолжала думать о Жене. А теперь в мыслях только то, что переспала с его лучшим другом. Ну вот как меня угораздило так влипнуть? Зачем поддалась, позволила себя соблазнить?

Мою чашки с особым усердием, они, кажется, становятся еще белоснежнее. А потом наконец заставляю себя дойти до зеркала. Пора собираться, на замазывание следов почти бессонной ночи уйдет прилично времени, и я уже решаюсь соврать на работе, что приболела, и попросить один день отлежаться. Но, конечно, не делаю этого, иначе меня сожрут с потрохами за прогул, потому что у нас не принято болеть, зато вполне нормально задерживаться на работе и выполнять неадекватные прихоти руководства.

Игнорируя машину, еду на работу на автобусе. Не хочу стать жертвой гаишников, да и голова раскалывается так, что сосредотачиваться на дороге невозможно. Успеваю даже в магазин зайти и прихватить шоколадку, чтобы выпить отвратительный, но бодрящий кофе из автомата, потому что одной чашки оказалось мало.

У входа в отделение стоят мужчины. Я знаю каждого, но

особенно хорошо двоих, которые курят и о чем-то говорят. Стоит мне приблизиться, как эти двое поворачивают головы в мою сторону. И это как удар под дых. Я горю в чувстве вины перед Родиным, потому что не должна была заниматься сексом с Пашей. А еще я теперь не знаю, как себя вести с Соколовым, когда на моей коже следы нашей страсти.

— Доброе утро, — роняю торопливо и прячусь за дверями. И носа не покажу из кабинета до конца рабочего дня.

Глава 5

Захожу в кабинет и вздыхаю с облегчением. Здесь пока никого нет, Лика приходит на работу на час позже, а Светлана Семеновна вообще когда захочет, потому что начальнице предпенсионного возраста правила уже не писаны. Она работает дольше, чем наш полковник, на работу его принимала, поэтому к ней особое отношение.

И обычно меня это бесит, но сегодня я радуюсь, что могу какое-то время побыть одна и немного успокоиться. Пальцы дрожат, и я не с первого раза щелкаю выключателем. Снимаю плащ и вешаю в шкаф. Здесь никого, и от тишины взвинчиваются нервы. Не даю себе впасть во вчерашнее состояние. Сажусь в кресло, включаю компьютер. Смотрю в крохотное зеркальце, которое лежит в верхнем ящике стола. Глаза красные, мешки такие, что всю мою тоску уместят. Ладно, черт с ним. Сейчас залипну в таблицах, и никто ничего не заметит.

Подпрыгиваю от страха, когда кто-то стучит в дверь. Идиотка. Продолжаю себя мучить. Спать с Соколовым было ошибкой, но вот впадать из-за этого в истерику — верх тупости. Я не хочу превращаться в ненормальную, которая оглядывается на каждый шорох. Было и было. Мы достаточно

взрослые, чтобы понять, что на одном разе все закончилось.

Не дождавшись моего приглашения, незванный гость открывает дверь. На пороге показывается Родин, и мое сердце летит в бездну. Выглядит он помято, но явно лучше, чем я. У мужиков вообще фантастическая и абсолютно ненужная им способность — умыться холодной водой и стать красивым.

— Привет, Лен, — голос виноватый, как у напакостившего ребенка. Сердце мое на части рвет сожаляющим взглядом. Неужели я так жалко выгляжу?

— Чего тебе? — выходит чересчур резко, но извиняться не буду. Он будто нарочно продолжает рану ковырять демонстративным беспокойством. Сам же вчера правдой уничтожил, так зачем сегодня бродить по пепелищу?

— Хотел узнать как ты? — Женя вздыхает и, прикрыв дверь, останавливается около нее. От меня сегодня исходит враждебная аура, и он, видимо, считывает. — Я понимаю, что это все слишком резко получилось, но не хочу, чтобы ты расстраивалась.

О, нет, нет, нет. Только не приторная жалость. Родин был инициатором расставания, а теперь приходит с грустным выражением лица и прикрывается заботой. Не хочу. Не надо.

Не могу видеть его.

— Но я расстроена, представляешь? Так бывает, когда у любимого мужчины есть другая, беременная от него женщина, — подскакиваю с места, осматриваю стол, надеясь схватить что потяжелее и запустить в сторону Жени, но там только ручки и листки для записи на клейком крае. — Давай закроем эту тему. Между нами нет больше ничего общего, у тебя скоро будет семья и счастье, а я продолжу жить своей жизнью. И не надо, пожалуйста, этой вины.

Мой истеричный монолог производит впечатление, только не совсем то, которое планировалось. Выслушав его, Родин должен был уйти, но он, напротив, шагает мне навстречу.

— Давай я отвезу тебя домой. Скажем, что отравилась, а? Тебе нужно отдохнуть.

— Мне нужно, чтобы за меня никто ничего не решал, — выставляю ладони перед собой, защищаясь. Не надо ближе, я ведь уже не выдерживаю. — Все, Жень, я поняла, что ты благородный, да и никогда козлом не считала. Но вот эти попытки в заботу — это лишнее. Оставь их для матери твоего ребенка.

— Ладно, — он трет лоб и тихо хмыкает. Моя болезненная уловка срабатывает, хотя мне на стену лезть охота от одной только мысли, что сегодняшний вечер Женя проведет с ней. — Звони если что, я сегодня на месте, передумаешь — отвезу домой.

— Хорошо, — киваю, чтобы только он отвязался, хотя знаю, что ни за что не наберу номер.

Женя больше не убеждает ни в чем, соглашается и, пожелав хорошего дня, выходит из кабинета. Я же гадаю, как в оставшиеся пятнадцать минут собрать себя по кусочкам.

Выходит скверно. До обеда я то и дело украдкой стираю слезы. Хорошо, что в кабинете только Лика. Она задает мало вопросов — я сама все рассказываю, ища утешения. Хорошо, что подруга не осуждает, только обнимает и заваривает чай с лимоном.

Но наша приятная атмосфера разрушается с приходом Светланы Семеновны. Она как всегда недовольно фыркает, заметив нас с Ликой у одного стола. Ей вообще не нравится, когда люди на работе заняты чем-то, кроме работы.

— Если у вас мало работы, вы всегда можете заняться архивом, а не ждать плановой проверки, — произносит извеч-

ную фразу, от которой у меня уже развился тик.

— И вам хорошего дня, Светлана Семеновна, — улыбается Лика, игнорируя все попытки начальницы на нас надавить. — Чаю хотите? Как раз только закипел.

Ага, ей только с цианидом. И то не факт, что этот яд не нейтрализуется под количеством ее собственного, сочащегося вокруг.

— Нет. На работу я прихожу работать, а не чаи гонять. И вы, Елена Сергеевна, могли бы поменьше отвлекаться, чтобы мне не приходилось выслушивать от Мальцева, что у нас ужасная кадровая осведомленность о грядущих перестройках, — она скрупулезно поправляет пальто на плечиках, убирает его в шкаф, к слову, персональный, это мы с Ликой ютимся в одном. А потом подвязывает тонкий шифоновый шарф на шее и поправляет волосы, собранные в прическу при помощи литров лака экстра-фиксации.

— В мои полномочия не входят такого рода уведомления, — выдаю скоропалительно, тут же прикусывая язык. Нельзя такое говорить. Горгона настроена выпустить своих медуз, а я слишком печальна, чтобы выдержать удар.

— Считай, что уже вошли. Мальцев согласен, что не мне

нужно бегать по этажам и собирать подписи, поэтому с четырех начнешь обход, — кресло натужно скрипит, когда полнотелая Светлана Сергеевна садится в него. Она слишком долго водит рукой по системному блоку, ища кнопку включения, но от этого напряжение взвинчивается сильнее.

— У меня сегодня...

— Если есть претензии, выскажи их полковнику, — перебивает меня старая гримза, и я замолкаю. Претензий много, но она права: обращаться стоит напрямую к руководству, а пока я составляю письмо, которое ни за что не отправлю, потому что в любом отделе кадров есть такая древняя дракониха, готовая сожрать тебя только за то, что ты пришла на работу в юбке на полсантиметра выше колен.

— Хорошо, — улыбаюсь натянуто и возвращаюсь к работе. Нужно успеть заполнить табель, чтобы утром на свежую голову перепроверить. И морально подготовиться ко встрече с Родиным и Соколовым.

Четыре часа наступают слишком быстро, и меня не спасает ничего — приходится идти, улыбаться всем и объяснять, за что каждый ставит подпись в строчке напротив фамилии.

Это утомляет и жрет слишком много времени. Я не понимаю, почему нельзя оставить эти документы у дежурного на проходной, чтобы каждый входящий-выходящий расписался. Все равно половина даже не запоминает.

Марш-бросок по этажам заканчивается за пять минут до конца рабочего дня. Я успеваю услышать несколько комплиментов и даже задержаться на чашку кофе в следственном, а потом останавливаюсь возле кабинета, в который последние месяцы я наведывалась слишком часто и вовсе не по работе.

Ладони потеют, а сердце заходится в лихорадке. Я не готова видеться с Женей, не могу даже представить, как окажусь между молотом и наковальней. Вариантов нет, я нарочно оставила так мало времени. Стучусь тихо, ведь всегда можно соврать, что никого не было на месте и прийти в другой день. Хотя бы завтра утром, когда я выплюсь и не буду сутулиться.

— Войдите, — слышу глухое и толкаю дверь, не оставляя шанса передумать.

В меня врезаются две пары глаз, да так резко, что впопугу бежать. Я словно дичь на прицеле двух охотников, и кто убьет меня первым — вопрос времени и сноровки.

— Привет, Лен, — улыбается Родин, поправляя кожаную куртку на плечах. У него всегда странная привычка сбегать раньше с работы. Она меня порой раздражала, потому что меня раньше никто не отпускал, но теперь я радуюсь, что Женя не задержится надолго. — Что-то случилось?

— Распишитесь в приказах, — не даю свернуть в личное. Теперь между нами исключительно деловые отношения.

— Давай, — Родин подхватывает ручку со стола и быстро черкает небрежные автографы.

— Удачно ты зашла, и правда пора домой собираться, — произносит Паша, глядя на часы. А мне в его словах мерещится намек, который быстро сходит на нет, когда я встречаюсь с безразличием с его стороны. Оно неожиданно больно царапает, но я напоминаю себе, что все правильно. С Соколовым меня связывает только случайный секс, и это далеко не крепкий фундамент для приятельских отношений.

А вот с Женей связывало гораздо больше, но находиться с ним в одном помещении сравнимо с пыткой. Родин, будто назло, читает шесть страниц, не спеша передавать мне документы. Станный, конечно, подход — сначала расписаться, потом читать, но я не тороплю. Давлю каблуком в пол и верчу стопой.

Я точно лишняя в этом суровом мужском кабинете. Когда-то мы здесь целовались с Женей и нас застукал Пашка. Это, кажется, было в другой жизни, теперь же обстановка давит. Здесь все строго и грубо, и мои потрепанные эмоции раздражающе по-девчачьи выглядят на фоне, поэтому собираю всю волю в кулак и натягиваю на лицо самую бесстрастную маску, которую только способна выдать.

Во всей ситуации радует одно — Соколов ведет себя так, словно между нами ничего не произошло. И это очень вовремя. Не то чтобы я собиралась сражаться за Женю и писать сообщения его бывшей-нынешней, просто не стоит афишировать все, что между нами произошло.

— Так, ладно, я помчал. До завтра, — передавая мне приказы, бросает Родин и поспешно отводит взгляд в сторону, будто боится на меня смотреть. Я тоже чувствую себя так, словно по горящим углям иду. Не получается пока от него отстроиться, мне все еще больно, а ему все еще стыдно за то, как все вышло. Неприятно это. Не вечность же нам так ходить, мы, в конце концов, работаем вместе и часто пересекаемся по производственным вопросам.

— Пока, — кивает Соколов, и до меня только сейчас доходит, что Женя поедет не домой, а к ней, ведь иначе не бы-

ло бы смысла прощаться до завтра с соседом по квартире.

Боль стреляет в сердце, я закрываю глаза, голова кружится, но я держусь на ногах и глубоко дышу. Зря решилась пойти к ним в последнюю очередь. Думала, очередная встреча с Родиным меня до слез доведет, и я проревусь по пути домой, чтобы никто из коллег не видел меня в таком расшатанном состоянии. Теперь же я пошевелиться не могу, даже сделать вдох не получается, в легких жгучая пустота.

— Где поставить подпись? — вытаскивает меня из страданий голос Соколова. Смотрю на него и не понимаю, откуда в Пашке столько спокойствия, но оно удивительно действует и на меня.

— В двух приказах, — голос предательски дрожит. Три шага в направлении стола даются тяжело. Соколов гипнотизирует меня темно-карими, будто что-то выведать хочет. Я же стискиваю зубы и опускаю перед ним бумаги, заталкивая собственную слабость подальше. Потом, все потом.

Паша оставляет размашистые, почти директорские, подписи, а я зачем-то сравниваю его с Родиным. Так странно: при всей своей галантности Женя расписывается скупой, а вечно ледяной Соколов завораживающе красиво. Будь во мне немного больше психологизма, я бы наверняка прове-

ла параллели. Сейчас же меня хватает лишь на очередное убеждение в том, что люди далеко не всегда такие, какими кажутся при первой встрече.

Гоню прочь мысли и слишком резко выдергиваю из рук Паши документы. Он никак мой нервный порыв не комментирует. Я же складываю приказы, потому что на сегодня мой обход закончен, и направляюсь к выходу.

Соколов ни слова не проронил о нашей совместной ночи, даже когда мы остались наедине, и от этого странно. То ли он затеял какую-то игру, то ли все же сам понял, что с нас хватит одного пьяного секса. Спрашивать не решаюсь — сбегая к себе, складываю приказы в папку и, быстро надев плащ, закрываю кабинет и иду на улицу.

Хочется отмыться от сегодняшнего дня. Родин, Светлана Семеновна, эти нелепые приказы. Все к черту. Приеду домой, закажу вкусную еду и включу боевик. Больше никакой романтики в ближайшую вечность. Хватит.

Выхожу на улицу и останавливаюсь под козырьком на крыльце. Дождь барабанит, проверяя на прочность расшатанные нервы. Терпкий запах заполняет легкие спокойствием. Смотрю, как улица медленно тонет в нескончаемом потоке воды. Это удивительно восхищает и одновременно бе-

сит, потому что бежать мне под этим ливнем до остановки, а потом мокрой тащиться к дому.

Позади открывается дверь. Кто-то тоже не спешит нырять под ледяной дождь, но уже через несколько секунд я ощущаю легкий аромат мужского одеколona, который будит во мне слишком много чувств. Злость, страх, страсть — собирается жгучий коктейль, который гасится одной простой фразой:

— Пойдем, я отвезу, — Соколов не спрашивает, нажимает на кнопку сигнализации. Машина сверкает фарами. Паша спускается по лестнице, не дожидаясь ни меня, ни подтверждения. Я ведь не давала согласия, хотя нужно быть полной идиоткой, чтобы отвергнуть предложение добаться до дома с комфортом и тащиться в дождь до остановки.

Глава 6

В машине тепло и пахнет ароматизатором с зеленым яблоком. Я сажусь вперед и поправляю полу плаща, которая так и норовит соскользнуть на коробку передач, где лежит рука Соколова. От мысли, что мы случайно соприкоснемся, волосы на коже поднимаются дыбом. Это неправильно, нам больше нельзя пересекать черту. Хватит одного раза, и так все вылилось в неловкое молчание и напряжение, которое между нами можно резать ножом.

Паша молча выезжает с парковки и сосредотачивается на дороге. Поток плотный, еще и дождь не упрощает ситуацию. Мы тащимся с черепашьей скоростью, и я представляю, насколько долгой выйдет поездка. Может, все-таки стоило два часа подождать такси? Тишина давит, я слышу ровное дыхание Соколова, и оно неожиданно бесит. Его спокойствие раздражает. Будто ему не дискомфортно находиться рядом после вчерашнего, будто не обижен из-за того, что я его использовала. Вечно молчаливый и хмурый, черт его разберет.

Моя истерика разбивается о его ледяное спокойствие, стоит нашим взглядам встретиться, когда мы останавливаемся на светофоре. В горле моментально пересыхает, меня против воли затягивает в бездну темных глаз. Это невыносимо.

Мы будто наглядеться друг на друга не можем, а в сущности мне не хватает смелости отвернуться первой. Я как олень, застывший в свете фар: понимаю неизбежность ситуации, но не могу даже предпринять попытку, чтобы все изменить. Молча принимаю судьбу. И сейчас она твердит, что надо бежать. Бежать как можно дальше от Соколова, потому что на дне его взгляда нет ничего хорошего — там проводят ритуалы черти, и только дьявол знает, чего они хотят.

— Алён, — начинает с тяжелым вздохом, но не успевает договорить, прерванный сигналом машины позади. Паша рычит едва слышно и все-таки возвращается к дороге.

А меня начинает трясти, как от озноба. Я будто была в шаге от падения, а потом меня утянуло назад от края обрыва. Меня бросает в жар, расстегиваю пуговицы тренча. Соколов бросает быстрый взгляд, но никак не комментирует. До скрипа сжимаю ремень сумки, но это не помогает найти равновесие.

— Я покурю? — спрашиваю дрожащим голосом, выдавая себя с потрохами. Отвечай, Пашка, мне очень надо привести себя в подобие порядка.

— В моей машине не курят, — отзывается, повернув на перекрестке. — Минут через двадцать будем у тебя. Терпит?

— убивает своим вопросом. А если я скажу, что нет? Любопытство подмывает так и ответить, но мне не хватит сил выдержать в моральном противостоянии, поэтому я уязвленно киваю, признавая поражение и соглашаясь с правилами. Соколов усмехается, ни капли не помогая мне держаться спокойно.

— Что? — поворачиваюсь в сторону Пашки, но он делает вид, что не замечает меня. Плаввно вписывается в поворот, и наконец дорога становится свободнее. Соколов качает головой, в уголках его губ застывает улыбка, и я неосознанно зеркалю его эмоции. Тоже улыбаюсь, толкаю кулаком в плечо еле-еле. — Говори!

— Есть другой способ снять стресс, — начинает издалека, — и он, кстати, гораздо действеннее.

— Придурок, — фыркаю обиженно и отворачиваюсь к окну. Веселье как рукой снимает. Намек слишком очевидный, чтобы его не считать. Паша так и остается непробиваемым. Я не знаю, что в его мыслях, по выражению лица нельзя ничего понять.

— Это нет или надо еще пару раз спросить?

Скотина бесстыдная! Сколько можно издеваться? Разго-

вор не вызывает ничего, кроме раздражения. Кто о чем, а Соколов о сексе. Больше ни за что не сяду к нему в машину. Хватит с меня унижений.

— Это значит иди на хрен, Соколов. Останови, я выйду, — отстегиваю ремень, показывая серьезность намерений. Плевать, что там льет стеной, промокну, потом в ванной отогреюсь и не заболею.

Мы и правда притормаживаем на очередном светофоре. Я тянусь к дверной ручке, но Пашка хватает меня за руку и тянет на себя, не давая выбраться. Упираюсь ладонью в его грудь, он как-то слишком близко ко мне. Наклонился, чтобы не дать выйти.

— Сиди, — не кричит, не приказывает, но от одних интонаций дрожь пробирает, и я подчиняюсь, малодушно прикрываясь ливнем, который еще несколько мгновений назад меня не пугал.

— Тогда перестань намекать на секс! — бросаю уязвленно и тру шею там, где остался синяк от его настырных губ. Пашка понимает моментально, даже невзирая на высокий воротник водолазки.

— Ладно, буду действовать, — кивает и, резко дернув ме-

ня на себя, сталкивается с моими губами.

Язык сразу переходит в атаку. Я не успеваю соображать, упираюсь ладонями в широкую грудь, но мое сопротивление сминается за доли секунд. Мне не хватает смелости и силы противостоять этому напору. А еще я снова перестаю ощущать себя одинокой. Невыносимо. Я только начала думать, что справлюсь со всем, как Соколов подкидывает задачек в перечерканную тетрадь.

Сдаюсь. Невозможно не сдаться, когда так рьяно целуют. От этого желания крышу сносит напрочь. Оно дикое, горячее, настоящее. Я скольжу рукой вверх по груди, веду ногтями по коже поверх кромки свитера. Пашка сбавляет напор, теряясь в ощущениях. И меня это промедление отрезвляет. Кусаю его нижнюю губу, не давая вернуться в прежний ритм.

Соколов шипит и отстраняется, но меня не спешит отпускать, гладит бедро, и я... О боже, я сижу на его коленях! Как только он успел, а я не задела задницей руль и не просигналила всем. Аварийка мигает, издавая противный звук, который теперь каждым звуком напоминает о совершенной ошибке. Второй за последние сутки.

— В следующий раз я засуну тебе в рот кляп, — он ведет языком по своей нижней губе, проверяя, какой ущерб я

нанесла. И выглядит это действие захватывающе соблазнительно, так что я нервно сглатываю.

— Перестань это делать, Паш, — неуклюже переползаю на свое сидение и снова пристегиваюсь. Провожу пальцами по горящим губам, ловя себя на странной мысли. Мне понравилось произошедшее, но я в этом ни за что не признаюсь, потому что достаточно с меня безумств. — Не надо меня целовать, бросать пошлые фразочки и прочее. Это все только добавляет мне стресса.

— Это только до оргазма, — усмехается и щелкает меня по носу, как дурочку наивную. Хотя... я такая и есть. Поняв, что больше ему ничего не светит, Соколов выкручивает руль, и мы снова едем.

А я больше не хочу участвовать в словесных перепалках, поэтому замолкаю, делая вид, что меня вообще нет в пределах машины. Достаточно с меня Соколова. Паша тоже не стремится поддерживать беседу — молча рулит. Дорога летит быстрее, и минуты перестают растягиваться до размеров часов.

Мой желудок впервые за день требует еду. В холодильнике шаром покати, максимум, что я могу приготовить — это пельмени, залежавшиеся в морозилке, и жареная картошка,

если не спалю ее, как в последние два раза. Но это меньшая из моих проблем, потому что я вижу, как у подъезда стоят сотрудники полиции вместе с двумя мужчинами в грязных комбинезонах и пытаются дозвониться в какую-то квартиру.

Надеюсь, меня никто не затопил, я не готова делать ремонт через год после прошлого. Внутри все равно зудит неприятное предчувствие. Полиция — это всегда к проблемам, особенно если она приезжает вечером. Либо ломать двери будут, либо опрашивать всех до ночи. Странно, наверное, работать в участке и все равно продолжать волноваться, когда рядом видишь хранителей правопорядка, но это что-то в генетическом коде.

— Пойдем, чего застыла? Или ментов никогда не видела? — смеется Соколов, подбадривая меня. Да я не то что видела. Я даже люблю одного, к сожалению.

Он паркуется и выходит первым. Я не жду, пока Паша проявит галантность и откроет мне дверцу — выбираюсь сама, не маленькая уже. Перебежками добираемся до подъезда и вместе подходим к сотрудникам. Они смотрят на нас хмуро, и я уверена, что Паша одаривает их ровно таким же взглядом. Только собираюсь начать разговор, как за спиной раздается голос Соколова:

— Здоров, мужики. Расскажите, что случилось и куда хотите попасть? Мы из шестнадцатой. Может, помочь чем сможем, — странно, что коллегам, которых видит впервые в жизни, он выдает больше слов, чем мне, с которой больше сорока минут провел в одной машине.

«И с которой вчерашнюю ночь провел в одной постели», — услужливо напоминает внутренний голос, но на язву не остается времени.

— Туда нам как раз и надо. Вы соседей снизу топите, — огорошивает меня лейтенант. Не может быть. Я ведь не забыла выключить кран. Черт-черт-черт. Ноги подкашиваются от внезапно накатившего волнения и страха, но упасть не дает крепкая рука, обхватившая меня за талию.

Глава 7

Я уже не слышу, как участковый говорит что-то про соседей, вызвавших его — у меня перед глазами все плывёт. Мне страшно заходить в квартиру, от одних представлений, как там все выглядит, снова бросает в дрожь.

— Пойдемте, только не нужно ничего ломать, — все же отвечаю дрожащим голосом и достаю ключи. Я пропускаю сотрудников полиции и представителя ЖЭКа вперед, задерживаясь на несколько секунд, чтобы попрощаться с Соколовым. — Спасибо, что подвез, чай не предложу, сам понимаешь, не до тебя сейчас.

— Пошли посмотрим, что там у тебя. Помогу разобраться, — снова немногословен, но я не спорю. Мне сейчас понадобится моральная поддержка, даже если единственным ее оказывающим окажется Паша.

Мы поднимаемся, дрожащими руками я с пятого раза попадаю в замок. Два оборота — два коротких мига до моего ужаса. Зажмуриваюсь, потому что боюсь открыть дверь и увидеть потоп. Черт. Я не готова к этому.

Я слышу шум льющейся воды, и он удивительно приво-

дит в чувство, так что первым делом бросаюсь в туалет и перекрываю воду. Только потом замечаю, что в ванной полно воды, коридор тоже залит, и даже в комнату и на кухню на-текло.

Я шлепаю по полу в ванную. Там сорван полотенцесушитель, вентиль валяется луже на полу, хотя, честно признаться, она больше походит на небольшое озеро, где плавают мои трусы, которые снесло потоком. Унизительное зрелище. Собираю их сразу же. Край плаща намокает, я снимаю его, оставляю на кухне вместе с мокрым бельем. Не надо никому на него смотреть. Боже, ну что за ужасный день.

Соколов входить не спешит, скептически оглядывает потоп вместе с остальными мужчинами.

— Ну что там?

— Полотенцесушитель сорвало, — вздыхаю, представляя космический счет за горячую воду в конце месяца. Хорошо еще, что из крана не кипяток лился, иначе пришлось бы разоряться на второй ремонт, хотя как знать, что там у соседей снизу.

Я достаю все тряпки, имеющиеся в арсенале, и даже полотенце бросаю на пол, и оно моментально намокает. Боже,

это ужасно. Беру ведро и, не обращая внимания на уставившихся мужиков, принимаюсь собирать воду.

— Сейчас закрутим, — кивает грузный мужчина и идет прямо по залитому полу. — А, нет, не закрутим, — кричит он мне из ванной. — Тут новый нужен, хозяйка.

Вашу ж мать. Жизнь мне новая нужна, где все не так ущербно.

— А со старым что? — бросаю полотенце в ведро, так и не отжав, и двигаюсь в направлении ванной. Можно хотя бы один спокойный день, а?

— Лопнул. Его только на помойку. У меня вызов еще в соседнем доме, через час смогу поставить, если купите новый.

— Где я вам его возьму? — возмущаюсь, упирая руки в бока.

— Так, раз вы на месте, мы соседке скажем, что на вызов прибыли, и пойдем, а дальше сами разберетесь, — вмешивается в наш диалог участковый, и вместе с напарником они ретируются, оставляя нас троих.

— Я могу съездить. Справлюсь минут за сорок, — приходит спасение откуда не жду. Соколов выглядит решительно, и мне остается только согласно кивнуть. Как его разгадать-то? Еще три месяца назад он меня ненавидел, вчера хотел до безумия, а сегодня бросается на помощь. — Потом помогу поставить.

— Ну вот и решили, — пожимает плечами сантехник. — Тогда наводите порядки, а я еще вернусь, — он поправляет в руке чемодан с инструментами. Те громяхают внутри, раздражая неприятным звуком.

— Паш, зачем ты...

— Я скину фотки, выберешь.

— Только давай не космической стоимости. Самый обычный змеевик. И сумму сразу скажи, я переведу, пока до кассы дойдешь.

— Ага, — кивает недовольно. — Лучше ужин приготовь. Сто лет домашней еды не ел, — подмигивает и вместе с сантехником спускается по лестнице.

Я остаюсь один на один с потопом. Удивительно, но дело идет быстро. Вода охотно собирается, кочует в ведро, и к

концу я не замечаю, как вытираю полы уже в комнате. Все равно начала, так к чему останавливаться.

Становится спокойнее. Все не так страшно. Просто небольшая буря, после которой обязательно настанет штиль. Главное сейчас выдержать бешеный ритм. Снимаю промокшую одежду и отправляю сушиться на балкон. Со стиркой и душем пока приходится повременить, хотя после усердного сбора воды от меня несет как от спортсмена, который час провел на дорожке.

Я надеваю чистые вещи и спускаюсь к соседке. Вера Павловна тяжело вздыхает, когда выпускает меня в свой ужасный коридор со вздувшимися обоями. Она не кричит, не проклиняет меня, а просто ждет вердикт. Так всегда делают добрые старики. Правда, сначала впадают в панику, но по помутневшему взгляду я понимаю, что она уже приняла сердечные капли и теперь реагирует в разы спокойнее.

Завариваю чай на ее кухне, усаживаю ее на мягкий диванчик и обещаю купить обои и переклеить в выходные. Вера Павловна робко благодарит меня, мы пьем чай, и я теряю счет времени, потому что слушаю рассказы о ее молодости и сожаления по поводу моей печальной личной жизни.

— Замуж тебе надо, Ленка, чтобы не ты все это бегала

решала, а мужик, — вздыхает она. — Красивая такая, а одна. Не дело это.

— Как только желающий появится, так я сразу, Вера Павловна, — смеюсь и допиваю чай с малиновым вареньем. — Я пойду, еще надо змеевик поставить обратно. Вы извините, что так вышло, и до выходных потерпите, ладно?

— Доживу, и хорошо, — улыбается женщина и встает, чтобы меня проводить.

— Доживете и нас всех еще переживете.

— Не дай бог! И так еле ползаю, — машет на меня рукой, и мы вдвоем посмеиваемся. Я открываю дверь и нос к носу сталкиваюсь с Соколовым. — Ой, а вы, молодой человек, кто?

— Это, кажется, за мной. Коллега, помогает мне, — виновато поджимаю губы, а Пашка с любопытством нас рассматривает и не без удовольствия пялится на мои алеющие щеки. — В общем, до послезавтра, Вера Павловна.

— Увидимся, Леночка.

— Я не думала, что так надолго пропаду. Извини, — от-

крываю дверь в свою квартиру и впускаю Соколова. — Нужно было успокоить старушку.

— Сильно ее затопило?

— Только обои в прихожей, — пожимаю плечами. Я еще легко отделалась, все могло быть в разы хуже. — В выходные переклею, и никаких проблем. Поставь пока здесь, — показываю на сухое место в комнате. — Ужин, кстати, придется подождать, пока вы все не почините. Воды нет, — развожу руками. — А сколько... — в меня летит молния, жаль, правда, что не физическая, а ментальная. Соколов не станет отвечать, только в очередной раз укажет на мою глупость, поэтому я решаю свернуть в сторону, будто это и собиралась на самом деле спросить, — тебе пельменей сварить? Или лучше доставку? — он, конечно, говорил что-то о домашней еде, но вряд ли пельмени из магазина входят в категорию вкусного ужина.

— Я в последний раз ел в обед. Пельмени подойдут, — он опускается на диван и вытягивает ноги, которые занимают половину комнаты. Пашка закрывает глаза и откидывает голову на спинку. Ему явно идет расслабленная поза, слишком соблазнительно выглядит, на это наверняка повелась не одна девчонка.

— А может, и не придется, — возвращаюсь в реальность и хлопаю ресницами, отвлекая себя от созерцания Соколова. Хватит уже. — Холодная вода не перекрыта, — поражаю Пашку очевидным озарением. Он кивает, признавая мою правоту, и я медленно иду в сторону кухни, чтобы только прекратить дышать с ним одним воздухом. Это до добра не доводит, мы убедились вчерашним вечером.

— Давай все-таки потом, тем более мастер уже пришел, — комментирует стук в дверь Соколов и поднимается слишком резко для того, кто расслабленно полулежал на диване.

— Я буду на кухне, если что, зовите.

Глава 8

Прячусь на кухне, как нашкодившая кошка. Руки дрожат, тело тоже мелко потряхивает, как от озноба. Все слишком странно. Соколов, который мне помогает, наши неловкие разговоры, а еще моя реакция на него. Последнее, пожалуй, размазывает сильнее всего. Я трепещу перед ним как девчонка, впервые увидевшая кумира. Мне неловко принимать помощь от того, кого я сознательно отвергала. Пашка для меня навсегда Женин друг, я не могу смотреть и не сравнивать. Я сопоставляю даже, как они двигаются, и счет на победу удивительно клонится в сторону наглого Соколова, который вероломно врывается в мою жизнь.

Это безумие. Я долго так не выдержу. Нужно срочно избавляться от мужиков в своей жизни. Ошибалась Вера Павловна, не нужно мне замуж, мне спокойствие необходимо и уверенность в завтрашнем дне. А пока ни того, ни другого. Хотя нет, я уверена, что завтра меня будет ждать очередная катастрофа.

Чищу картошку и лук, потому что собираюсь впечатлить Соколова пельменным супом — самым странным и вкусным открытием моей гастрономической жизни. Уж не знаю, фанатеет ли Пашка от «Роллтона» в сочетании с пельменями,

но наивно предполагаю, что ему понравится. Ругаю себя за дурацкие мысли, не надо вообще подобными вопросами задаваться.

Насильно переключаться на что-то другое не приходится — от раздумий отвлекает ругань Соколова и звук брызжущей воды. Волнение моментально натягивает нервы. Теряю концентрацию, рука вздрагивает, и вот уже мой палец стремительно окрашивается кровью. Подношу его к губам, подетски считая, что лучший способ остановить кровотечение — зажать ранку языком.

Останавливаюсь напротив распахнутой в ванную двери. Меня встречает два удивленных лица. Соколов мокрый, по свитеру и штанам расплзается огромное пятно, а слесарь-сантехник недовольный. Последний бодро закручивает полотенцесушитель, пока Пашка пытается проморгаться.

— Что случилось? Опять потоп? — снова облизываю палец, это выглядит антисоблазнительно, но я все равно чувствую неловкость, поэтому зажимаю порез пальцем, морща от боли.

— Плохо закрутили, брызнуло лишка. Уже исправили, — добродушно улыбается мужчина, а Соколов наконец отступает в сторону и стирает воду с лица.

Он снова на мне сосредотачивается, будто ничего важнее в мире сейчас не существует. Я не вовремя чувствую приятное тепло в животе, но оно мгновенно испаряется, стоит губам Пашки изогнуться в ухмылке.

— Привороты делаешь? — кивает на пострадавший палец. Из груди рвется смешок, и мы оба улыбаемся, разделяя крохотный миг спокойствия на двоих.

— Боишься, что приворожу? — вздергиваю бровь с вызовом.

— Я и так уже, только кровь зря переводишь, — пожимает плечами, завуалированно признаваясь в симпатии. Вот как так можно? Все только что было хорошо, а теперь летит в пропасть со скоростью звука. Не нужны мне эти слова. Не от него хочу их слышать, а сейчас все ощущается так, словно меня с маниакальным удовольствием раздирают на части.

— Полотенце над раковиной, — бросаю холодно и сбегая обратно, ощущая себя набитой душой.

И зачем только задала глупый вопрос? Все же ясно как белый день, а так в очередной раз над собой поиздевалась. Мы с Соколовым одинаково побитые: я безответно люблю

Родина, он — меня. Это даже не треугольник, это чертова прямая, в которой мы пытаемся дотянуться до желаемого.

Закидываю продукты в кастрюлю, заливаю водой и ставлю на медленный огонь. Проходит мучительно долгих десять минут, в которые я успеваю протереть пыль на кухне и дважды вымыть идеально чистый стол, прежде чем мужчины зовут принимать работу.

Я вхожу в ванную, там и правда нет никакого потопа, даже следов воды нет, потому что Соколов стер все тряпкой. Даже сомнений не остается, что это его рук дело, не постороннему же человеку подобным заниматься.

— Ну, смотри, хозяйка, — кажется, что ничего и не изменилось. Такой же полотенцесушитель, который у меня и был, такого же металлического цвета. Он уже теплый, вода быстро набирается.

— Спасибо вам за помощь.

— Да брось, — машет рукой. — Обращайся, если вдруг что, — он оставляет на тумбочке в прихожей визитку и, попрощавшись, уходит.

Мы остаемся вдвоем. Напряжение взвинчивается вмиг.

Пружина натягивается, готовая лопнуть. Мое терпение трещит по швам. Пашка не вламывается в мое личное пространство, но я остро ощущаю желание сделать это.

— Дашь мне полотенце? И надо бы вещи просушить, — он стягивает свитер, оставаясь, слава богу, в майке, но мне все равно достаточно, чтобы залюбоваться рельефными плечами и забитой рукой с вязью узоров. Как-то я раньше не придавала значения татуировке, будто ее и не было вовсе, но она точно старая, а еще нуждается в коррекции — края немного поплыли. Все равно выглядит красиво.

— Ага, — быстро достаю из шкафа большое темное полотенце и отдаю Паше. — Я пока закончу с ужином.

Соколов не комментирует, молча скрывается за дверью ванной, а я жадно хватаю воздух ртом, потому что уже перебор. Наше напряжение не распаляет предвкушение, за которым последует наслаждение. Оно пугает до чертиков, потому что я не знаю, чего ожидать в следующую секунду, и не понимаю, почему мы все еще продолжаем держаться бок о бок.

Суп получается на удивление вкусным, а нервная система перестает бунтовать. Я уже далека от срыва, меня успокоила монотонная готовка. Больше не кажется все таким ужасным,

каким я себе нафантазировала. Просто Соколов решил помочь. Просто в знак благодарности я накормлю его ужином и мы так же просто попрощаемся и разойдемся как в море корабли. Нам нечего обсуждать, нечего делить, между нами все и так понятно. Я не смогу сходить с ума от ласк лучшего друга моего все еще любимого мужчины. Пашка не станет терпеть снисходительного и даже потребительского отношения. Мы обречены, и это стоит признать как можно скорее.

За стенкой в ванной стихает шум воды. Еще мучительно долгую минуту я не слышу ничего. Успеваю налить суп и поставить тарелку на стол. Ложка, хлеб, сметана — набор простой, но отчего-то выглядит все уютно.

Подскакиваю на месте, когда открывается дверь, и в проеме показывается мощная мужская фигура с обмотанным вокруг бедер полотенцем. Пашка насухо вытерт, нет этих небрежных капель, скользящих по телу, мне не на что пялиться, но я именно это и делаю, потому что Соколов выглядит совсем уж по-домашнему в моей квартире.

— Можно повесить на балконе, — бросаю внезапно севшим голосом. — А потом иди ужинать.

Пашка смотрит мне за спину, где накрыт стол. Хмурится, отводит взгляд, словно взвешивает, что сказать, а потом все

же встряхивает головой и спрашивает:

— А ты?

— Я не голодна, — вру. На самом деле есть хочется, но вот не в присутствии Соколова. Он душу мою терзает своими пристальными взглядами, я себя последней сукой чувствую, потому что взаимностью ответить не могу и потому что избегаю разговора, который точно должен состояться. — Пойду тоже искупаюсь, — нервно улыбаюсь и протискиваюсь в ванную, закрывая за собой дверь. Сейчас как никогда жалею, что не поставила замок. Придется надеяться на благоразумие Соколова, если в арсенале его качеств такое имеется.

Горячие струи смывают все ужасы этого дня. Я долго плясую на полотенцесушитель, который держится хорошо и вроде даже работает без сбоев, все такой же горячий, каким был до поломки. К кому обратиться, чтобы меня тоже починили? Тоже хочу гореть, а не разлетаться пылью по пепелищу.

С особым усердием тру кожу мочалкой. Мужской гель для душа напоминает о Родине. Это его любимый в линейке ароматов. Помню, как старательно выбирала все, что ему понравится, чтобы он хотел задержаться у меня подольше. Футболка любимого бренда, теплые тапочки и еще пара мело-

чей, которые оказались бессмысленными в борьбе за любовь Жени.

Завтра вечером проведу ревизию и избавлюсь от всех его вещей.

А пока смываю плотную пену с кожи, умываюсь дважды и только потом выхожу. Холодный пол остужает разбушевавшуюся фантазию. Я тихо ругаюсь, чтобы Соколов не услышал, и выхожу в прохладный коридор.

Меня обдает жаром, словно тело бросили в лаву, а потом резко выдернули оттуда. Даже взгляд поднимать не надо, чтобы понять — передо мной Соколов, который явно что-то задумал, раз стоит перед дверью в одном полотенце. Сердце падает в пятки и там истошно колотится, подгоняя меня то ли прочь, то ли навстречу. Я попадаю во власть гипнотического взгляда и тону. Черные зрачки расширены, так что за ними едва можно различить темную радужку. Соколов опасный и совершенно мне не подходящий. Мы не можем поддаться глупости в очередной раз, хватит уже. Вчера мы были взрослыми и пьяными. Сегодня такие же взрослые, но трезвые.

Он наступает. Делает шаг навстречу, второй. Мне хватает одного вдоха, чтобы понять и принять неизбежное, но я не

оставляю попыток бороться:

— Паша, не надо, — умоляю, но мои попытки тщетны.

— Очень надо, — мягко продавливая свою истину. Ка-сается пальцами влажных локонов, отводит их с лица, а я как замороженная ловлю каждое действие. В груди снова тепло разливается, от которого тяжело избавляться. Я будто отогреваюсь рядом с Соколовым. — Мне было мало прошлой ночью, — ладонь опускается на мой затылок, пальцы сжимают волосы у корней, не давая мне пошевелиться. Пашка наклоняется, минуя мои губы, и собирает языком капли с шеи. — Хочу тебя.

Глава 9

Я цепенею, пока под кожей разгорается пожар от Пашкиных жадных ласк. Тело реагирует отлично от разума — оно сдаётся, потому что хочет этой необузданной страсти, хочет подчиниться мужской силе. С каждой секундой теряю контроль, а Соколов пользуется моментами моей слабости.

Припечатывает меня к себе, рука скользит по влажным лопаткам. Мое сознание плывет, опускаю ладони на его плечи, но вопреки ожиданиям Пашки не обнимаю, а мягко давя, отстраняю от себя.

— Я не хочу, не надо, — ежусь, потому что моментально становится холодно. Я как горная ромашка на холодном ветру, оказываюсь не готова к условиям существования. Меня резко забросили в агрессивную среду, и я медленно погибаю.

— Зря, могли бы хорошо провести время, — слова бьют наотмашь. Хорошо провести время. Я, кажется, для всех лишь способ скоротать минуты в поисках лучшего варианта.

Облизываю губы, давая себе паузу. Мне нужно собраться с силами и выставить Соколова, который вообще не собирается уходить, раз до сих пор щеголяет по квартире в одном

полотенце.

— Я не хочу проводить время. Хватит нам прошлого раза, пусть он будет единственным, — произношу, а в груди вместо облегчения кошки скребут. Что-то идет не так, надламывается еще сильнее.

Пашка хмурится, задумчиво чешет костяшкой пальца бороду, будто взвешивает мои слова. И что его там задело? Обычно все были в восторге и просили еще? Мне тоже понравилось, но больше не надо. Мы и так далеко зашли. И пусть нас с Женей ничего не связывает, но спать с его другом как-то... низко.

— Он не будет единственным, — хмыкает с такой уверенностью, что будь я чуть глупее, обязательно бы прониклась смыслом фразы и властными нотками в стальном голосе. — Ты же знаешь обо всем, — вздыхает, отодвигая признание, которое озвучил мне месяц назад на корпоративе.

Я тогда перепугалась до чертиков, дура влюбленная. Думала, что не смогу от Жени секрет хранить, а оказалось, что к тому времени Родин уже наслаждался вниманием беременной девушки, мчался к ней на всех парах, пока я сходила с ума. И сейчас я снова вспоминаю тот роковой вечер, после которого все пошло по одному месту.

Месяц назад

— Потанцуй со мной, — предлагает Соколов. Он сегодня звезда вечера, затмил даже юбиляра.

Женя уехал час назад. Он не отвечает на мои сообщения, хотя обещал вернуться через сорок минут и увезти меня к себе, чтобы снять мое красивое платье. А теперь мне и платье давит, и не нравится уже цвет, потому что я подбирала его под галстук Родина, которого тут нет, и теперь я как Фрида Кало без своего Ривьеры на костюмированной вечеринке.

Мы с Соколовым до сих пор в режиме холодной войны, которая с каждым днем выходит из острой стадии. Паша спокойнее, чем раньше, даже не закатывает глаза, когда я появляюсь в их с Родиным квартире. А теперь и вовсе предлагает потанцевать.

К черту все. Женя в последнее время постоянно куда-то пропадает по каким-то делам. То родителям помочь, то другу, то что-то отвезти-привезти. Я замучилась запоминать, поэтому ограничиваюсь короткими сообщениями, который с каждым разом становится все меньше.

— Пойдем, — подаю Паше руку и позволяю увезти себя в центр танцпола.

Проиграла почти половина песни, но Соколов не отчаивается — уверенно ведет меня в танце. Кружит под музыку так, что я снова превращаюсь в легкую на подъем и немного влюбленную в мир Лену. Ту, которая улыбается, когда пьет кофе по утрам, забравшись на любимый диван с ногами.

Со мной и правда, наверное, что-то не так, раз я превратилась в неврастеничку, которая каждую минуту проверяет входящие и расстраивается, не обнаружив там звонка от Жени.

— Ты хорошо танцуешь, — делаю комплимент полупьянному Соколову. Его взгляд плывет и теряет фокус. Он смотрит вроде на меня, но все равно выходит сквозь.

— А ты прекрасно выглядишь, — делает ответный комплимент. Ну вот куда он-то? Я отвратительная в этом платье и в чертовом одиночестве. Оно мне не идет. Мне идет быть рядом с Родиным.

— Спасибо, — так и подмывает узнать у Соколова, куда запропастился его друг, но я прикусываю язык. Не хочу да-

вать лишних поводов Паше подшучивать.

Последние аккорды взрывают нас обоих. Движения становятся резче. На последней секунде Соколов вжимает меня в себя. Слишком близко, я против таких танцев.

Не успеваю ни вдохнуть, ни произнести мигом появившуюся в голове речь о пристойном поведении, как ощущаю легкое прикосновение губ. Уворачиваюсь, поцелуй мажет по щеке, а меня начинает трясти от ужаса.

Я толкаю Пашу в грудь. Какого черта он делает? Решил таким образом отомстить за все наши перепалки? Это низко и мерзко, на нас смотрит добрая половина коллег. Тяжело дышу. Я готова разрыдаться, потому что прекрасный вечер превращает в омерзительный. Родина нет, Соколов сходит с ума, а я против воли превращаюсь в изменницу.

Разворачиваюсь резко, пользуясь Пашиной растерянностью, и бросаюсь к клатчу, который остался на стуле. Дрожащими пальцами достаю телефон и вызываю такси. Нет, к черту этот день, он определенно отвратительный.

— Алён, стой! — Соколов несется за мной, а я бегу прочь из ресторана, наплевав на обещание Жене дожидаться его. Домой ко мне приедет лучше, но здесь ни на секунду не за-

держусь. Злость кипит внутри, повышая температуру в теле. В глазах рябит от головокружительной ярости — замираю ненадолго, но этих секунд хватает Пашке, чтобы догнать меня.

Соколов хватается меня за запястье и насильно разворачивает лицом к себе. От прикосновения внутри взрывается негодование, горячей лавой расплескивается вокруг, врзается в Пашку, но он только смотрит на меня пристально и дышит тяжело, жадно, словно пытается надышаться про запас. Будто задохнется, если меня отпустит.

— Я хочу уйти, — рычу и дергаю рукой, но куда там с силой опера тягаться. Соколов тянет меня на себя и перехватывает ладонями плечи, несильно встряхивает. — Отстань, Паш! — не оставляю попыток сбежать, силюсь высвободиться — тщетно.

— Не отстану. Сбежишь — глупостей наделаешь.

— А так их наделаешь ты! — рычу от бессилия и часто моргаю, потому что в глазах щиплет от внезапно подступивших слез. — Какого хрена ты целоваться полез? — не сдерживаюсь и все же спрашиваю. Какого черта мне это интересно. Забыть, вычеркнуть и надеяться на благоразумие Паши.

— Алён, — обреченный вздох не сулит ничего хорошего. Большие пальцы гладят голые плечи, и я только сейчас понимаю, что замерзла и теперь дрожу, потому что руки у Соколова слишком горячие, будто он специально подстраивается, чтобы меня согреть. Смотрю в бессовестные глаза, в которых ни капли вины и целое море обожания, и невольно содрогаюсь. Не может быть. Он набирает в легкие воздух, чтобы сказать оглушающую правду. Хочу исчезнуть или хотя бы зажать ему рот ладонью, но не дотягиваюсь даже до груди, потому что он все еще меня держит.

— Нет-нет, молчи, — молю, и слезы-предатели катятся вниз, встречаясь на подбородке. Качаю головой и шепотом повторяю как мантру: — Молчи-молчи...

— Ты мне нравишься очень, — уголок его губ дергается, а я слышу, как с его души с грохотом падает камень, придавливая меня. — Выпил лишнего, вот и полез целоваться, — Паша горько хмыкает, я глотаю слезы и думаю, зачем мне нужна была эта правда. Не нужна ведь.

— Соколов, ты идиот? — гнусавлю и шмыгаю носом совсем не как леди, на что Паша качает головой и медленно ведет вверх по плечам, устраивает ладони на шее и стирает слезы. Слишком заботливо, так что я хочу скорее избавиться от них, разорвать порочный контакт. — Я встречаюсь с тво-

им другом, а ты ко мне пристаешь! Что ты за друг-то такой? Женя же тебя братом считает!

— Нормальный друг, — рывкает он, мгновенно закрывая скользкую тему. — С этим я сам разберусь, не волнуйся.

— Тогда и с симпатией своей разберись сам, — шлепаю его по предплечьям, требуя свободы. — Мне она не нужна.

Пашка смотрит на меня выжидающе, будто дает время вспомнить все, каждую его эмоцию прочувствовать. Я и правда его понимаю. Но принимать не готова.

— Это ничего не изменит, Соколов, — вздергиваю подбородок с вызовом, будто не стою перед ним в одном полотенце. — Если твои вещи не высохли, можешь поспать на диване.

— Ладно, — отступает, превращаясь в пай-мальчика.

— Я оденусь и принесу постельное.

Паша кивает и больше не возражает. Не пытается меня продавить, не говорит больше ничего — молча садится на

диван и ждет, пока я, снова прячась в ванной, надеваю пижаму, а потом возвращаюсь и расстилаю пахнущее кондиционером белье.

Кажется, буря отступает. Мы желаем друг другу спокойной ночи, я, отвернувшись, закрываю глаза, прощаясь с сумасшедшим днем. Я настолько вымоталась, что у меня нет сил думать о Жене, о ночевке Соколова в моей квартире и неправильности происходящего. Это все тонет под наступающим сном, тело расслабляется, я чувствую, как напряжение уходит из мышц. В таком состоянии хорошо и все кажется лучше, чем есть на самом деле. Вот ремонт у соседки снизу сделаю, и вообще заживу без тягостных обязательств.

Матрас проминается от осторожного вторжения. Я знаю, что это Пашка. Не хватило ему терпения держаться от меня подальше в пределах одной комнаты. Но выгонять его обратно на диван у меня нет сил. Ложусь удобнее, вскользь ощущая прикосновение к спине, но не реагирую на него, проваливаясь в сон уже до утра.

Глава 10

Хорошо. Это первое, что приходит в пребывающее в полудреме сознание. Мне снится погожий день. Весна, и мы гуляем в парке, взявшись за руки. У нас все замечательно, целуемся украдкой и смеемся. Улыбаюсь. Он меня обнимает, и жар передается по всему телу, концентрируясь на талии. Горячая ладонь касается кожи. Я с шумом втягиваю воздух.

Колючее предвкушение расплзается по телу, мне нравится происходящее, а еще приводят в восторг пальцы, которые пробираются под кромку пижамных шорт, прогоняя сон. Будоражит, с какой осторожностью мягкие движения вводят меня в наслаждение.

Я завожу руку за голову, касаюсь колючей щеки, поднимаюсь выше, глажу волосы и пропускаю их сквозь пальцы. Боже, я умерла и попала в рай? Обожаю утренние ленивые ласки, когда первое, что видишь спросонья — нежность и медленно тлеющая страсть, такая непривычная, но пробирающая до дрожи.

Моего плеча касаются губы — шиплю от удовольствия, выгибаюсь в пояснице, подставляясь ласкам. Пальцы кружат внизу, надавливая на чувствительные точки. Помогаю вто-

рой рукой, накрывая сверху и мягко направляя, задавая нужный ритм. Он быстро схватывает, и вот я, так и не вынырнув до конца из сна, проваливаюсь в другую реальность.

— М-м-м, вот так, Жень, еще, — прошу, но вопреки мольбам все прекращается.

— Сука! — раздается гневное за спиной, и мне становится холодно настолько сильно, будто на меня ведро ледяной воды вылили и выставили на мороз. Я подскакиваю в кровати и смотрю на спину Соколова, уносящегося прочь из комнаты.

Боже, боже, боже. Это катастрофа. И мне не так больно от реальности, что все это со мной проделывал Соколов, как страшно от того, что он может натворить в порыве собственного бешенства. Несусь за ним, настигая в дверях ванной. Сердце колотится на разрыв, я не знаю, что делать в таких ситуациях, как его успокаивать и надо ли вообще.

Мне тоже больно, потому что я все еще с трудом соотношу сон, наши с Женей утра и Соколова, который рвет и мечет.

— Паша, прости, — цепляюсь за его плечо обеими руками и не даю спрятаться. Зачем? Что делать с ним буду? Этими вопросами не задаюсь, потому что сейчас кажется, что если я не объяснюсь, то окончательно потеряюсь в своих страда-

ниях, которые разрастаются в геометрической прогрессии.

Назвала одного мужика именем другого. Дурость какая-то. Я просто сонная была, вот и все. У меня нет проблем с памятью, всего лишь сон слишком сладкий был, и я не отличила реальность от фантазий. Низ живота предательски тянет, напоминая о несостоявшемся сексе. Мне не нравятся эти ощущения, они доставляют дискомфорт, но сейчас они последнее, о чем стоит думать.

— Все сказала? — грудная клетка тяжело вздымается и опускается, по скулам ползут желваки, ноздри гневно раздуваются, а сам он напряжен настолько, что каменеет. Я не хотела его обижать. Оттолкнуть — возможно, да, но не обижать, еще и так грубо.

— Нет, — убедившись, что он больше не собирается от меня прятаться, отпускаю его плечо и отхожу, упираясь лопатками в стену. Мой коридор не предусмотрен для ссор таких масштабов, он не вмещает всей злости. — Я не со зла это сказала, мне снился Родин, и я не сразу соотнесла, а потом...

— Замолчи, — он поворачивается ко мне лицом. Вижу ярость во взгляде. Соколов выглядит устрашающе, но я глюпо не боюсь. Идиотка, наверное. Любая адекватная женщина в моей ситуации уже бежала бы за чугунной сковородкой,

я же молча наблюдаю, думая, что он просто не услышал и нужно повторить.

— Паш...

— Рот закрой, Алёна, пока я ничего лишнего не сказал, — ему хватает всего одного шага, чтобы застать меня врасплох. Он опускает ладони по обе стороны от моей головы. Дыхание обжигает кожу. Мне невыносимо жарко. Все дрожит от аномального ужаса. Я не знаю, что он предпримет в следующую секунду. Точно ведь не придавит, но от внушительности его фигуры трясутся колени.

— Послушай, я... — касаюсь рукой его груди, и этот жест запускает какой-то механизм. И ни один из нас понятия не имеет, как он работает.

— Я же, блядь, попросил! — рычит сквозь стиснутые зубы и тыльной стороной кулака бьет по стене над моей головой. — Заткнуться, замолчать, ни слова больше не произносить, Алёна, какого хрена это для тебя так сложно, а? — сверлит взглядом, в котором нет ничего, кроме разочарования.

— Прости, — одними губами, потому что в горле пересохло от нашего напряжения. Мы два оголенных провода, а еще мы слишком близко, так что точно скоро произойдет

короткое замыкание.

— Прощу в первый и последний раз, — кивает, и вроде должно стать легче, но он не расслабляется. Только костяшками по моим ключицам ведет, опускается ниже, сдвигает пижаму в сторону, так что бретелька сползает к локтю, оголяя грудь, — но ты будешь кричать.

— Что? — спрашиваю испуганно и упираюсь ладонью в его грудь. Шиплю, потому что сосок оказывается зажатым между его пальцев. Я ни черта не понимаю, что он делает.

— Имя мое кричи, — бросает отрывисто. Ведет руку ниже, легко раздвигая пальцами влажные складки и проникая внутрь.

— О-о-о, — озарение мешается с удовольствием и выливается в короткие предыхания и тихие всхлипывания.

— Я жду, — толкается, медленно выходит и повторяет действие, пока я расползаюсь по стене, потому что после чрезмерного напряжения мне очень хорошо. По телу всполохами бегут искры, я концентрируюсь на темноте глаз, которые утопить в своей черноте меня хотят.

Пашка нигде больше меня не касается, только рукой. Ни-

какой близости, ощущения сильного тела, горячей кожи и никаких поцелуев. Я не привыкла к такому, но необычный опыт отзывается в груди, где все еще бешено тарабанит сердце. Кусаю губы, жмурюсь и обхватываю обеими руками шею Соколова, но он не дает к себе прижаться.

— В глаза смотри.

Я, кажется, умру прямо сейчас от того, насколько это неправильно хорошо. Я не должна сдаваться, не должна чувствовать сумасшедшего желания, не должна гореть от грубых ласк, но все это происходит здесь и сейчас. Боюсь. Боюсь открыть глаза и встретиться с бурей. Я не выдержу, уже захлебываюсь наслаждением и сжимаюсь с каждым резким толчком.

Сдаюсь. Снова пропадаю, встречаясь с взглядом, в котором столько всего невысказанного таится. Пашка уверенно ведет меня к грани, я уже ни черта не понимаю и едва держусь. Он заботливо поднимает мою ногу и заводит на свое бедро, сжимает кожу почти до боли и срывается на дикий темп.

— Боже...

— Давай. Иначе я остановлюсь.

Я едва слышу. По телу поднимается теплая волна оргазма. Хватаю воздух, которого становится мало, фокусируюсь на лице Соколова, мужественном, красивом. Он усмехается и нарочно замедляется, подкрепляя действием свои слова.

— Нет, нет, пожалуйста, Паша, — я глажу его щеки, цепляюсь за плечо и подаюсь бедрами вперед. — Паша-а-а-а, да, да-а-а, — он возвращается к прежнему ритму и уже не противится нашей близости.

Обнимаю его, прижимая к себе крепко-крепко, будто приклеить хочу. Он утыкается в мою шею носом, кусает кожу и хрипло говорит:

— Моя, ты только моя, поняла? — слова добивают. Это уже не то что контрольный в голову — это бомба, срабатывающая моментально. Меня разрывает на части от сильного оргазма, который столпом колючих искр врезается в кожу. По щекам катятся слезы и, отойдя от сумасшедшей волны, я тихо всхлипываю, все еще подрагивая от пережитых ощущений.

Не от него я хотела услышать эти слова. Совсем не Пашка герой моего романа, но сейчас в сказанное хочется верить — глупо поддаваться и часто-часто закивать, соглашаясь со всем.

Мне больно. После взлета к удовольствию я с глухим ударом разлетаюсь в клочья, ударившись о землю.

— Прости, Алён, — он мажет губами по шее, — прости, что напугал, — кусает мочку уха и продолжает снова меня распалать. Я не знаю, как вообще способна выдерживать этот сумасшедший напор. Он собирает губами мои слезы, явно чувствуя себя причастным к мини-истерике. — Тише, тише, — целует лоб, уголки губ и снова опускается к ключицам. Руки его уже давно гладят, а не сжимают, тянут и давят. Он успокаивает меня после того, как сам вспылит. Невыносимо.

— Заткнись, Соколов, — в моей голове это звучало приказом, в сущности выходит мольба. — Просто помолчи, — в нашем молчании и так слишком много всего.

Глава 11

Пашка истолковывает мою просьбу замолчать по-своему — затыкает рот поцелуем. Не знаю, как он умудряется вкладывать в каждое столкновение губ столько эмоций, но меня разрывает на части. Нам обоим больно от безответной любви. Я для Соколова наркотик — только жизнь отравлю, подарив короткие мгновения эйфории.

— Отпусти, — это самая настоящая пытка. Я горю в его руках, без конца прокручивая мысли о другом. В утреннем свете все опять кажется ошибкой и безумием.

— Нет, я же предупреждал, — усмехается горько, так что я морщусь, словно проглотила горелую карамель.

— Я не хочу, — нахожу в себе силы оттолкнуть его. Ноги еще ватные, колени подкашиваются, и я снова оказываюсь в плену сильных рук Соколова. Он закатывает глаза, но больше никак мою драматичность не комментирует. — Извини, — прошу простить то ли за свою неуклюжесть, то ли за то, что нужный ему ответ дать не могу.

Будь моя воля, я бы утонула в страдании и жалости к самой себе.

— Нормально все, — как всегда лаконичен. Он берет меня на руки и молча несет в комнату, усаживает на диван и сам падает рядом, вытягивая ноги и раскидывая руки в стороны. Я зачем-то рассматриваю его, словно никогда до этого не видела. Соколов впервые за все время нашего знакомства выглядит уязвимым. Он будто взял пару минут, чтобы отдохнуть. Потом обязательно вернется к прежнему состоянию, а пока нужно отдохнуть.

— Я все еще считаю, что все, что произошло между нами, должно закончиться, — собираюсь с духом и произношу, когда Соколов ни о чем даже не догадывается.

— Зачем? Тебе было хорошо со мной, — стреляет правдой, и мое сердце отзывается, начиная стучать быстрее.

— Было. Но ты хочешь большего, а мне не нужно ничего. Забота, любовь, отношения — все это не про меня сейчас, Паш.

— Ты не знаешь, чего я хочу, — усмехается Соколов.

— И чего же ты хочешь? — поддаюсь на уловку.

— Всю тебя.

От слов по коже разбегаются мурашки, в груди болезненно тянет. Я должна радоваться, что нужна хотя бы одному человеку в этом мире, но меня парализует страх. Это слишком громко и слишком удушающе. Признание Пашки как затягивающаяся на шее удавка. Выбраться уже не получится, а умирать не хочется. Я знала о его симпатии давно, но сейчас слова звучат слишком сокровенно. Это даже сильнее, чем признание в любви. Мало кто желает человека со всеми его демонами. Они обычно неприглядные. Их принято прятать. Соколов же готов с ними подружиться.

— Ты не знаешь, на что подписываешься.

— Знаю, и очень хорошо, — он склоняет голову в мою сторону и смотрит на меня долго и пристально, скользит взглядом от кончиков пальцев на ногах к лицу. — Я видел тебя счастливой, усталой после моря работы, воодушевленной и веселой. Я видел, как сладко ты кончаешь подо мной, знаю, как ты грустишь и какие на вкус твои слезы. А еще знаю, что ты терпеть не можешь шоколад «Аленка», — улыбается Пашка, разряжая обстановку после своего душераздирающего признания, и я тихо посмеиваюсь. И правда же терпеть не могу.

— Ты опасный человек, Соколов, — наигранно ужасаюсь

его откровению, хотя внутри и правда трясусь как лист на ноябрьском ветру. Это страшно — быть чьей-то одержимостью.

— Ты же знаешь, что нет. Сама два раза в год отправляешь меня на разные тестирования, — игнорирует иронию в моем голосе.

— Я серьезно, Паш. Не хочу ничего.

— А если... — он не договаривает — наш странный разговор прерывает звонок будильника, к которому я бросаюсь, точно к спасательному кругу. Меня затягивает во тьму к Соколову, но я отчаянно сопротивляюсь. Барахтаюсь в собственном мраке, который едким туманом проникает в легкие и отравляет мою жизнь.

— Мне пора собираться, — отключаю будильник. — Уходи, и давай забудем обо всем.

— И не подумаю, — усмехается, но не спорит — встает и стягивает со спинки стула свои вещи.

Я провожаю Пашку, закрывая за ним дверь на два замка и отвергая предложения отвезти меня на работу. Сегодня поеду на своей, чтобы не было вообще никаких соблазнов сно-

ва сдать Соколову. Хватит. Я не выдержу его напор и не смогу дать всего, чего он ждет.

Мне нужно время, чтобы смириться с расставанием. Несколько дней печали и уныния. Всего лишь выплакать все слезы и выговорить подушке всю боль. Прорыдаться во время просмотра мелодрамы и напиться до беспамятства. Потанцевать с бокалом вина в комнате, надев только оверсайз-футболку на голое тело, под песни, в которых он козел, а она — богиня. Мне просто жизненно необходимо пережить разрыв в одиночестве.

День проходит спокойно и даже почти скучно. Я не избегаю Соколова — хожу по отделению большую часть рабочего времени, в столовой не забиваюсь привычно в угол, чтобы быть незаметной, а занимаю стол едва ли не в центре, но Пашки нет. Только вечером я узнаю, что он весь день на вызове, и тоска скребет в душе. Кажется, за два дня я привыкла видеть его рядом, а теперь я в гордом одиночестве выезжаю с парковки, закупаюсь в магазине, зачем-то нагребая полную тележку еды, словно жду гостей, и даже успеваю заехать за обоями.

Дома готовлю вкусный ужин, тащу еду в комнату и, расставив все на раскладном столике, сажусь на диван перед телевизором. Телефон мигает, я вижу номер Соколова, но иг-

норирую. Сбрасываю, выключаю звук и переворачиваю мобильный экраном вниз, чтобы не поддаться соблазну.

Плевать, чего там хочет Соколов. Я не пойду у него на поводу. По крайней мере, не сегодня. Мне нужно осмыслить его громкие слова и перестать чувствовать себя так, будто мне в грудь высадили всю обойму. А еще прекратить жалеть, потому что от Родина я и близко ничего подобного не слышала за время наших отношений.

Я пишу сообщение Лике, что все выходные проведу дома, и отключаю телефон. К черту все. Не хочу никого слышать, даже сотрудников банка, навязывающих кредит.

Следующий день я провожу в квартире Веры Павловны за поклейкой обоев. Выходит небыстро, я заканчиваю около десяти вечера и валюсь с ног без сил, едва добравшись до своей постели. В воскресенье меня настигает апатия. Я ем всякую гадость, целый день смотрю фильмы и только к вечеру воскресаю. Набираю ванну, разбрасываю лепестки роз, которые в пятницу вечером купила в цветочном как раз для этого случая, долго лежу, потому что серии «Темного желания» затягивают. Я снова возвращаюсь мыслями к Соколову, потому что у нас было что-то похожее — мы просто сошли с ума друг от друга. Это была вспышка, мимолетная искра, распалившая обоих.

Закрываю ноутбук и отодвигаю столик. От жаркой сцены на экране против воли всплывают картинки нашей ночи. Я помню все, хотя какая-то часть меня желала бы стереть этот момент из памяти, чтобы никогда к нему не возвращаться и чтобы не гореть сейчас от растекающегося по венам желания. Я была бы полной дурой, если бы отрицала, что Пашка чересчур хорош в постели.

Нельзя больше поддаваться искушению. Соколову нужно слишком много. Я же могу только прятаться в кокон собственного отчаяния и бежать от чувств, в которые Паша меня пытается затянуть.

Черт, я даже не понимаю, нравится он мне или нет. Глупый вопрос, конечно. Я переспала с ним, вряд ли бы согласилась, если бы был противен. Но все вышло очень спонтанно... Соколов сначала был занозой в заднице, который каждый раз отпускал колкости при встрече в участке, а потом очень быстро перекочевал в категорию «друг моего парня». О какой симпатии могла идти речь? Он красивый и достаточно мужественный, но я не хочу даже задумываться о том, чтобы вступить с ним в отношения. Это будет катастрофа. Переметнулась от одного друга к другому. Отвратительно. И совершенно не для меня.

Смываю вместе с пеной дурные мысли и, подготовившись ко сну, сажусь в кровати. Наконец включаю телефон. Время почти одиннадцать. Нужно проверить будильник на завтра и спать. Но я не успеваю сделать ничего. Стоит мобильному загрузиться, как тут же поступает звонок.

Соколов.

Меня бросает в дрожь. Он что, чувствует, когда я о нем думаю, поэтому появляется в моей жизни в самый неподходящий момент? Сглатываю огромный ком, моментально образовавшийся в горле. Зачем он звонит так поздно? Переживает, что все выходные я была вне доступа? Или стоит под дверью?

Он звонит до последнего, а я так и не могу решить, ответить или нет. Может, написать сообщение, что сплю и не в настроении разговаривать? Или лучше вообще не отвечать, а написать утром какой-то бред? Я попросила его уйти и забыть, он ответил очередную высокомерную ерунду в своей типичной манере. Это результат? Соколов не собирается отставать от меня?

И бог с ним. У меня не так много времени на сон, чтобы я продолжала думать о нем.

Пока я собираюсь улечься спать, прилетает сообщение, которое я сразу же открываю и замечаю еще несколько непрочитанных.

«Я надеюсь, с тобой все хорошо. Не заставляй меня тащиться к тебе через весь город».

В сообщении явная угроза. Пашка писал мне еще дважды и один раз звонил. Он точно знает, что я была вне доступа и что вышла из него только сейчас. Наверное, я должна сильно испугаться и заверить Соколова, что со мной все в порядке. Но я даже не подумаю это делать. Его проблема, что он не может оставить меня в покое, поэтому пусть помучается в игноре, может, быстрее отстанет.

Я проверяю будильник, перевожу телефон в беззвучный режим и ложусь спать с тяжелым чувством в груди. Интуиция твердит, что я поступаю неправильно, но я затыкаю ее и закрываю глаза. Хватит идти на поводу у всего, что способно хотя бы немного влиять на решения, принятые мозгом.

Глава 12

Я встречаю еще одно безрадостное утро. Беззвучный режим прекращается в шесть утра вместе со звонком будильника. И примерно с этого же времени Соколов атакует меня звонками.

Этот неугомонный начинает меня пугать. Я дергаюсь каждый раз, когда он звонит. Из-за этого не могу уложить волосы и нормально накраситься, поэтому собираю хвост и слегка подкрашиваю ресницы и губы. На этом мои сборы заканчиваются. Я сбрасываю, но мои действия бесят Соколова еще сильнее. Он точно найдет меня и снова выведет на очередной бессмысленный и неприятный разговор, а я не хочу. И так начало рабочей недели нелегкое предстоит, не хватало еще в скандал ввязаться.

Вздыхаю и выхожу из дома, надеясь, что хотя бы закончу вовремя.

Захожу в отделение, дежурный сонно улыбается и кивает, смотрит на часы, изумленно трясет головой. Удивляю саму себя — прихожу на работу на сорок минут раньше, чтобы только не видеться с Соколовым. Прячусь, намеренно избегаю, потому что наши встречи ни к чему хорошему не при-

водят. Мы или выясняем недоотношения, или занимаемся сумасшедшим сексом. Да, тот оргазм у стены тоже считается.

Хватит. Кто-то должен набраться смелости и разорвать порочный круг, снова вернуть нас к тому времени, где мы были не терпящими друг друга коллегами, а не запускать механизм без кода отмены. Мы ведь сгорим в распутном желании, напрочь забыв, что не всем сказкам свойственно счастливо заканчиваться. Пашка утонет в моей драме, а я сильнее расковыряю еще свежую рану.

Сворачиваю в нужный коридор, глупо радуясь, что мне удалось пройти незамеченной. До обеда Соколов точно не явится в кабинет, а после он, возможно, уедет на вызов, и я смогу насладиться одним днем без его присутствия. Облегченно выдыхаю и расслабляюсь, но это катастрофически рано, потому что возле двери меня караулит несносный идиот, позвонивший за одно только утро четыре раза. О количестве ночных пропущенных и сообщений даже вспоминать не хочу.

— Доброе утро, Алёна Сергеевна, — отталкивается от стены и хмыкает, демонстративно глядя на часы. Просчитал, гад, — вы сегодня рановато.

Соколов терпеливо ждет, пока я подойду и открою дверь

кабинета, а меня примораживает к полу. Не могу пошевелиться даже, придавливает досадой, внутри гложет чувство вины: не ответила вчера, а вдруг что случилось бы? С него бы стало припереться ко мне среди ночи, а я уже успела узнать у дежурного, что Соколов все выходные был на выезде и о нормальном отдыхе слышал очень издалека. Боже, он мог элементарно уснуть за рулем и встретиться лоб в лоб с фонарным столбом! Надо было все же ответить.

А Пашка такой моей реакции будто и ждал — впивается взглядом, собирая каждую эмоцию. Мысленно рычу от досады, попавшись на удочку опытного опера. Конечно же, зубы мне заговаривает, хотя сам стоит здесь неизвестно сколько, выжидая. Он прекрасно меня просчитал. И ни черта не собирался рисковать собой. Просто довел меня до ручки и ловко расставил сети, в которые я попала.

— Проснулась рано, потому что один придурок названивал все утро и ночь и не дал выспаться, — останавливаюсь рядом, как ни в чем не бывало, хотя на самом деле готова пыхтеть от злости. Плевать, что вру напропалую, сейчас важнее оттолкнуть его от себя, а мне известно немного способов это сделать. — Так что утро мое точно не доброе, Павел Дмитриевич, — цежу сквозь зубы. Несоизмеримо бесит. Соколов останавливается прямо за моей спиной и, стоит мне открыть замок, заталкивает нас обоих в кабинет, замыкаясь

изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.